

18+

МАРШРУТЫ ТРЕХМЕРНОГО ПРОСТРАНСТВА

ШЕВЦОВ СТАНИСЛАВ

Станислав Шевцов

Маршруты трёхмерного пространства

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63754421

ISBN 9785005309952

Аннотация

Бывший командор средней боевой машины Кэц, Лис Фон`Кай, в своих мемуарах знакомит читателя с особенностями подготовки боевых астронавтов Кэц, проходит с ним длинный путь от курсанта до командора и комвекса. Он посвящает читателя в коварные интриги антитеррористической операции в пространстве Вертикали, приоткрывает завесу тайны над страшной «Войной на выживание». Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть 1: Курсант	6
От командора средней боевой машины	6
От экипажа средней боевой машины	12
Вечное сияние чистого хаоса	14
Традиции ВКС	17
Байки астронавтов: «Династии»	26
Добро пожаловать в Академию	28
Подготовка экипажей	34
Нулевой день	37
Основы формирования экипажей	48
Основы прокладки маршрутов в трёхмерном пространстве	56
Основы пилотирования в трёхмерном пространстве	61
Основы оказания первой помощи в трёхмерном пространстве	64
Основы контроля энергетических установок в трёхмерном пространстве	65
Основы сканирования трёхмерного пространства	67
Основы стрельбы в трёхмерном пространстве	71
Первые шаги по стали	75
Центр вселенной	78

Бунт на машине	82
Не включать, блядь!	85
Перенос трупов	87
Лисонька мокренькая	89
Оперативные решения на отрезках	96
Приступ клаустрофобии	99
Неоднозначные переговоры	106
Как я был героем фильма	109
Зачем нужны ВКС	114
Первый экзамен	118
Столовые приборы	124
Заметьте меня, командор	131
Байки астронавтов: «Рождённый свободным»	136
Экипажная подготовка	138
Дуализм старших помощников	142
Конец ознакомительного фрагмента.	145

Маршруты трёхмерного пространства

Станислав Шевцов

© Станислав Шевцов, 2021

ISBN 978-5-0053-0995-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1: Курсант

От командора средней боевой машины

Я прошёл сложный путь от сперматозоида до командора средней боевой машины. Моя история, как и история любого другого боевого астронавта, уникальна, полна событиями с границ статистической погрешности и слегка невероятна, потому что на каждый экипаж, успешно справившийся с внезапным отказом оборудования, приходится 10 экипажей, которые не справились

Эта история о средней боевой машине и её экипаже, рассказанная с точки зрения командора средней боевой машины. И, что самое удивительное для большинства нижних (всех тех, кто так или иначе не связан с трёхмерным пространством), самому трёхмерному пространству в этой истории нет места. Любые фантазии на тему «беспоощадной тьмы» и «неравной борьбы с космосом» мгновенно улечиваются, когда ты, защёлкнув шлем, впервые выходишь погулять по обшивке и видишь огромное ёбаное нихуя. Буквально. Вокруг нет ничего. Ну, звёзды-планеты-спутники, но это всё где-то *там*. У пространства нет характера, сил (гравита-

ционных тоже, они есть у объектов), воли. Это просто пространство, в котором мы болтаемся.

Другое разочарование ждёт молодого астронавта, когда он узнаёт свой будущий фронт работ. Проходя службу в военно-космических силах, вы не увидите других миров, не ступите на неизвестные планеты, не вдохнёте полной грудью чужой воздух (нарушение техники безопасности – карантин с взысканием) и не заведёте новых знакомств. Весь мир рядового астронавта ограничен корпусом боевой машины и пятью (на средних) идиотами, почему-то решившими, что подать документы в ВКС – это хорошая идея. Да, сложно поверить, но почти все задания полны тоски, уныния и рутины. И чем ближе конец вахты, тем больше вероятность того, что экипаж, вконец одуревший от монотонности бытия, во внезапной внештатной ситуации примет максимально идиотское, зато увлекательное, решение.

Ради новых миров и исследований лучше записываться в астроэкспедиционный корпус.

Ради коварных интриг и хитрых планов отправляйтесь во внешнюю разведку.

А ради новых друзей – на какой-нибудь сайт знакомств.

Космический бой тоже совсем не крут и ни капли не эпичен: на тебе боевой костюм со шлемом, сам ты пристёгнут к креслу. Отсек управления освещён только дисплеями консолей, в отсеке нет воздуха и гравитации, перегрузки и ускорения швыряют куда придётся. А тебе ещё надо концентри-

роваться на: сотнях унылых таблиц с характеристиками твоих и вражеских машин; окнах с процентами выработки энергетических установок и процентами потребления энергии; сводках повреждений и количеством боеприпасов; убудской трёхмерной карте с пиктограммами машин в мыльной сфере локации с кучей засветок. Никаких красот, ведь на отрисовку стильной картинки будут потрачены вычислительные мощности и проценты выработки энергетических установок. Ради зрелищности текста все бои я буду описывать от лица моей машины, но держите в уме, что фраза «Ворон разорвал пространство» примерно равна «я, сдерживая рвоту, ввёл несколько команд, выделил элементы списка и накричал на пилота».

Зато у ВКС есть одна вещь, о которой мы забыли – это свобода. Полная и безграничная, как трёхмерное пространство. Приказы из штаба идут слишком долго, штаб всегда понятия не имеет, что именно творится в твоей области. Вообще, штаб часто понятия не имеет, где ты находишься и что ты там вообще забыл. А ты, как командор, волен поступать именно так, как считаешь нужным. Ну и нести полную ответственность за свои действия или бездействия, за подчинение или неподчинение приказам. Кстати, интересный нюанс для любителей «просто выполнять приказы» – за подчинение заведомо преступному или критически опасному приказу ты, как командор, можешь огрести. В ВКС Кэц с цепочкой командования вечные проблемы – из-за страха, что ка-

кие-нибудь чужие уничтожат штаб и весь ВКС окажется сборищем тупых дебилов неспособным ни на что, Кэц успешно сломали цепочку командования сделав ставку на изолированные и самостоятельные боевые единицы. По сути, такой подход... частично работает. Что было признанно частичной победой. Поэтому мы так и живём.

Хоть я человек (отец – человек, мать – кэц, оба служат в ВКС, но по разным сторонам баррикад), но обучение и службу я проходил в ВКС Кэц. По разговорам и совместным операциями с ВКС Альянса и ВКС Вертикали я сделал вывод, что наши пути не сильно отличаются друг от друга (*ты ошибся – прим. Риче*). Всё дело в мелочах, аналогично с самой расой кэц. Они ведь выглядят, как люди и, по сути, ими и являются (имеем общего предка, даже можем иметь общее потомство, и я этому очередное тому доказательство). Только у кэц на голове расположены кошачьи ушки. Ну и внутри головы немного другая ментальность. И всё.

Я постараюсь не перегружать текст техническими деталями (вообще, я бы с радостью запихнул сюда книгу «Ремонт, сопровождение и предельные условия для средних боевых машин класса Зимние Птицы» или «Ремонт, сопровождение и предельные условия для средних боевых машин класса Тип 7, модификация категории «полевая машина штаба», но за такую выходку я получу неиллюзорных пиздюлей от Абсолюта, доблестной службы безопасности Кэц) и спойлерами (представленный астронавт будет тем, кем он явля-

ется в тот момент времени, а не мёртвым героем, с наградами).

Так же, я сразу расшифрую многие наши разговоры до более понятных рядовому читателю. Не удивляйтесь, если в горячке боя я обращаюсь к моему экипажу по имени и произношу достаточно длинные команды. Было бы глупо вначале писать: «4, плащ, топ-топ, блинк», а потом расшифровывать: «Деси, прикрой плазменными щитами крышу, а потом моргни плазменными щитами», поэтому я сразу пишу расшифровку.

Зато я смог собрать (*выпивать в баре космопорта, а потом мучительно вспоминать увлекательный разговор – это не «собирать», – прим. Викторши*) уникальные байки других астронавтов со всех сторон вероятных и прошедших конфликтов. Но, каждая такая история промаркирована как «байка», потому что я не могу ручаться за чужие слова и не имею возможности как-то их проверить.

На гражданке можно верить во всемогущие спецслужбы, тонкие, многоступенчатые планы военных и коварные, подлые, жестокие тренировки. В реальности же всё, что связано с вооружёнными силами является хаосом, блядским цирком, переплетением бестолковых идей, внештатных инцидентов, костылей и красивых объяснений почему случившийся пиздец был запланирован и мы от него только выиграли.

Всё всегда идёт по плану, потому что планы пишутся после операций.

А мемуары командоров проходят цензуру служб безопасности.

(И редактуру экипажа:З – прим. Сани)

ВКС Кэц. СБМ «Ворон». Командор Лис. Личный номер АМ-11011990.

От экипажа средней боевой машины

Сильно заметно, что текст писался сильно после нашего выпуска из Академии. Потому что жесткий психологический прессинг и тяжёлые условия совершенно не отражены в тексте. Многим младшим может показаться, что Академия ВКС Кэц – это замечательное место, чтобы провести лето. Но это не так.

ВКС Кэц. СБМ «Ворон». Связист Рисе. Личный номер АМ-5162079.

А мне было норм. Не понимаю, о чём она.

ВКС Кэц. СБМ «Ворон». Пилот Саня. Личный номер D-АМ-0618-9701.

Мне больно и обидно, что командор действительно не заметил всю ту работу, которую я проделала, пытаюсь втереться в его доверие. Возмутительно и пиздец. Одно только радует: другие мои «коллеги» оказались в такой же заднице, как и я.

ВКС Кэц. СБМ «Ворон». Инженер Деси. Личный номер АМ-5173072.

Может показаться, что я когда-то слегка недолюбливал ВКС. Да, но только чуть-чуть.

ВКС Кэц. СБМ «Ворон». Медик Фор. Личный номер

AM-5172672.

Может показаться, что я не играю большой роли в повествовании. Да, это так. Я просто обычный стрелок и просто выполняю свои задачи. В нашем «звёздном» экипаже я был обычным и был рядовым: в честь меня ничего не назвали, и я не получил множество уникальных наград. Зато на мне начались и закончились все интриги, направленные против моего экипажа. И я делал своё дело настолько хорошо, насколько мог. И я горжусь этим.

ВКС Кэц. СБМ «Ворон». Стрелок Хокс. Личный номер AM-5172072.

Вечное сияние чистого хаоса

Военно-космические силы – это чистейший хаос, который время от времени самоорганизуется, чтобы решить обязательно внезапную проблему с помощью первой подвернувшейся под руки вещи: и малые машины возят пассажиров (на малых нет зон рекреации и грузовых отсеков, астронавты спят по боевым постам), и безумно дорогие научно-исследовательские машины буксируют астероиды, и элитные гражданские транспортники вместе с пассажирами перевозят биологическое оружие, а боевые станции выполняют точечную разведку пространства. Вам снизу совсем не понятно, почему такое происходит, но в эпоху логистического кошмара, которая никогда не закончится, первая боевая машина, оказавшаяся рядом с дерьмом, будет это дерьмо разгребать. Потому что пока штаб узнает, найдёт, снарядит, проинструктирует и отправит наиболее подходящую для появившейся задачи машину – этим говном провоняет всё обитаемое пространство.

В моём случае первой попавшейся машиной стал древний военный транспортник Катти Мару, который давным-давно был большой боевой машиной, а сейчас неспешно полз домой на капремонт. У него было что-то не так с проводкой и барахлили энергетические установки, радуя команду внезапной невесомостью, тьмой и сиреной, предупреждающей

об угрозе взрыва. Это сейчас фраза «детонация ГЭУ (главная энергетическая установка) через 3 секунды» не вызывает никаких эмоций, а тогда я чуть не обосрался. Матёрым астронавтам экипажа, упакованным в боевые костюмы, было не привыкать, а вот мне, молодому идиоту, ни разу ни покидавшему родную планету, такое путешествие потрепало немало нервов.

Представьте: вы спокойно спите на своей койке. И тут, внезапно, нестабильная гравитация швыряет вас в стену, а потом в потолок. Вокруг абсолютно темно, решётки вентиляции не дребезжат, а по громкой связи синтетический женский голос монотонно даёт отбивку:

«Детонация ГЭУ через 6 секунд».

«Детонация ГЭУ через 2 секунды».

«Детонация ГЭУ через 4 секунды».

«Детонация ГЭУ. Прощайте».

«Детонация ГЭУ через -1 секунду».

«Детонация ГЭУ через -4 секунды».

Зато я научился спать, привязанным к койке; передвигаться по коридорам, есть и пользоваться туалетом в экстремальных условиях; перестал обращать внимание на внезапную невесомость; двадцать раз поучаствовал в экстренном ремонте ГЭУ; шесть раз мыл столовую и семь раз туалет (потому что не был готов к невесомости).

Семь стандартных суток такого перехода превратили молодого парня, ничего не знающего о ВКС, во всё ещё моло-

дого, но дико заёбанного почти курсанта, получившего какое-то смутное представление о ВКС, выучившего новые ругательства на шарпе (основной язык Кэц), получившего базовые навыки ремонта с использованием не предназначенных для него подручных средств и чувство, что он умудрился совершить самую большую ошибку в своей жизни.

Но курсир с сортировочной станции уже падал на космопорт и отступать было некуда.

Традиции ВКС

У психологов ВКС Кэц есть такой трюк: курсант, уже расквартированный в академии, отправляется в космопорт встречать вновь прибывших. По официальным документам это сделано для того, чтобы новичок, впервые оказавшийся в незнакомой обстановке, не растерялся, не потерялся и сразу же начал устанавливать социальные связи. Плюс, это освобождает старших, занятых более важными делами, от постоянных поездок в космопорт. Ведь курсанты прибывают со всех обитаемых планет и время первоначального набора группы затягивается. Плюс, это является своего рода тестом на профпригодность. Оценки, приблизительно, следующие: критическая неудача – курсант никого не встретил и сам куда-то проебался; норма – курсанты встретились, напились, опоздали на доклад к куратору; не очень хорошо – трезвые курсанты явились вовремя (излишняя исполнительность не сильно поощряется в ВКС).

Про такие нюансы я, естественно, ничего не знал (и не должен был, часть тренировки ВКС состоит в том, что вначале тебя просто бросают на задачу и смотрят, как ты выкрутишься). Полученные инструкции были скупы: «Посадочная 32, там тебя встретят».

Как-то выкручиваться не пришлось – меня встречали.

Представьте себе классического главного героя сериалов

Кэц про медиков. Какого-нибудь Пирса из «Мобильной медицины катастроф»: красивый, стильный, среднего роста и спортивного телосложения, кошачьи уши с «кисточками», пронзительный взгляд ярких кругов фокусировки и слегка вытянутое лицо. А теперь оденьте его в повседневную форму ВКС Кэц с нашивками медика-курсанта, накиньте на плечи белый халат, посыпьте блёстками и каким-то бумажками, а выражение лица замените на чрезмерно пьяное и злое.

Второй встречающий тоже был достаточно оригинальным. Яркая девушка с короткими рыжими волосами, чистыми, без кругов фокусировки, зелёными глазами, плюшевыми кошачьими ушками, россыпью веснушек на по-охотничьи коварном лице и... грудью третьего (*четвёртого* – прим. Сани) размера. Девушка довольно вольно обошлась с формой – просто накинула китель на голый торс. На нашивку пилота-курсанта я даже не обратил внимания.

И вот, молодой и заёбанный курсант выходит из стерильной зоны, сразу же замечает эту парочку: сидящий на палубе пьяный медик и возвышающийся над ним немного голый пилот. В тот момент в голове у меня что-то заклинило, и я потерял ощущение реальности происходящего.

– Я Саня! Привет! – руки девушки взметнулись вверх, китель упал вниз.

– Фор, – парень поднял на меня мутный взгляд, – я тоже только что прибыл. Пошли пить.

– Лис. У нас есть время? – уже тогда во мне можно было

разглядеть просыпающиеся зачатки командора.

– 6 часов стандарта, – ответила Саня.

– Пошли пить! – тут же согласился я.

Нет, ну а что может сказать молодой человек 20 планетарных лет, у которого голова идёт кругом от всего и сразу? Плюс, за лёгкой выпивкой (я не догадывался, что подписываюсь на синтетическую водку) можно быстро приобрести новых друзей. Нет ничего страшнее, чем оказаться в эмоциональном вакууме. Ну, не считая ситуаций, когда ты оказываешься в обычном вакууме, тонешь в плотной атмосфере, падаешь в звезду, падаешь в планету, оказываешься за горизонтом событий, врезаешься в чужого или у тебя отрезает кусок машины.

И мы пошли пить. Все космопорты окружены сотнями заведений на любой вкус: бары, отели, бордели, аркады, кинотеатры, бассейны и так далее. Могу дать совет только на счёт баров: не ходите туда. Они все рассчитаны на астронавтов, вырвавшихся сверху на пару часов. Отсюда мы и имеем: дрянная синтетическая выпивка по огромным ценам. Астронавту, по сути, некуда тратить деньги. Он вечно где-то там наверху, не в курсе нюансов экономических ситуаций. И он готов заплатить «много» за «мало и плохо».

В ближайшем баре Фор заказал водки на все свои деньги, аккуратно расставил бутылки на столе, открыл первую, сделал солидный глоток и начал рассказывать историю своей жизни. Эту историю он рассказывал всем, кто не успе-

вал убежать. Гораздо позже он привыкнет к ВКС и в дальнейшем, в барах он будет либо участвовать в разговорах или кадрить молоденьких девушек, рассказывая героические байки, мало имеющие отношения к реальности. Но это будет потом, а тогда я впервые услышал душещипательную историю из жизни одного медика.

– Меня зовут Фор, и я хороший медик. Не медик-оператор. Нет! Я настоящий медик. Настоящий, бля! Я могу восстановить логические цепи искусственных рук, используя нож, две ложки и бензиновую зажигалку. Представляешь? Конечно же нет. И я отлично жил и работал. С такими-то навыками и жить не отлично! И всё было просто прекрасно. Но! Ёбаная жадность. Я записался на курс полевой медицины и теоретической ксенобиологии. Престижно! Элитно! Статус! Повод запросить повышенный оклад! Всё ахуенно, но курс, сука, дорогой, как моя жизнь. Но! ВКС готова оплатить всё обучение, если ты согласишься участвовать в лотерее призыва. Шанс 32%, что призовут. Шанс 5% что призовут на средние боевые машины. И-и-и... и вот. И вот посмотрите на меня. Сэкономил, блядь. Ёбанный, блядь, везунчик. Вы хоть знаете, сколько живёт средняя боевая машина? 16 операций. В мирное, нахуй его, время! Куда, они, блядь, пропадают? У нас тут война идёт о которой никто не знает, что ли? Что. За. Нахуй. Сука, как же хорошо я жил. Как же всё было прекрасно. А знаете, что? Знаете, что ещё? Я могу отказаться. Легко могу. Я могу намеренно завалить тесты.

Только мне придётся выплатить долг за обучение. С процентами. И штраф за досрочный разрыв контракта с ВКС. У меня нет таких ёбанных денег. Нет! Таких! Денег! Блядь!

В процессе своего короткого рассказа Фор сумел выпить три бутылки и на последней фразе просто упал лицом в стол. Я выпил только половину, поэтому зачатки командора настойчиво постучались наружу:

– Э-э-э... ты в порядке?

– Живой. Стресс. Алкогольная интоксикация. Шестой рой в работе. Я с вами, – механически ответил медик, – могу вырезать почку. Надо?

– Нет.

– Ладно.

Я посмотрел на Саню. Девушка, самозабвенно пившая водку прямо из горла, игриво подмигнула мне, намекая, что моя очередь представиться.

– Окей. Меня зовут Лис. Я человек. Соль, Земля. Отец человек, мать – кэц. По генетическому праву я получил гражданство Кэц. У меня мать – из ВКС Кэц, а отец – из ВКС Альянса. Тяга к пространству и неприязнь к службам внутренней безопасности это, можно сказать, наследственное. Я подал документы во все существующие училища и академии. Положительно ответили только из Центральной Академии Кэц. Ответа с Лунной тренировочной №64 я решил не дожидаться и сразу рванул в посольство. Отказался от гражданства Восходящего союза и прошлого, сдал личные вещи,

получил новые личные вещи, был засунут на первую попавшуюся машину ВКС Кэц. И вот я здесь. Пока жаловаться не на что.

– Ох, мудака романтичный, – сказал медик, – с какими же ебланами мне придётся жить. Пизда. Пизда-а-а-а-а.

– Чего сразу мудака?

– Вот на таких мудаках армия и живёт, – Фор меня даже не услышал, – она вас всех возьмёт, переварит и высрет горсть печатных плат, которые с радостной улыбкой на лице пойдут умирать. А мне то что? Идите. Только без меня. Ну, почему надо обязательно со мной?!

– Медик не нужен?

– Совсем не нужен, – для наглядности Фор пару раз ударил стол лбом, – вот попала ракета в машину. Ну и всё. Нет больше машины. И экипажа тоже нет. Кого лечить-то, блядь?

– Ну... резонно, – у меня тогда не было достаточного словарного запаса для развития спора.

Я не обиделся на Фора по двум причинам: во-первых, мне казалось, что он хороший кэц, просто у него был плохой день; во-вторых, я был изрядно пьян и счастлив, ведь моя мечта осуществляется. Ну, по сути, тут работало только хорошее настроение, усиленное алкоголем.

– Так! – Саня громогласно заявила о себе и ударила пустой бутылкой по столу, – время откровений! Держитесь, салаги! Я уже достаточно пьяна, чтобы мне было насрать! Знакомьтесь! Я! Лучший пилот трёхмерного и плоского про-

странства! 30 часов налёта на малых грузовых атмосферных машинках! 17 часов на атмосферных перехватчиках! 5 часов на суборбитальных гражданских транспортах! 0.5 часов на курсорах. Я пилотировала самолётики, винтокрылчики, вертолётники, авто! Могу пройти по границам локационных сфер в окне 6 на 9! Могу на гражданском уйти от перехватчиков! Да так, что ни один стакан не упадёт с подноса стюардессы! Я экстра-классный экстра-специалист широчайшего профиля! А ещё я террорист, разжалованный в биоресурсы! – тут девушка внезапно резко сбилась и перешла на невнятное бормотание, – Ну нельзя мне легально управлять машинками и самолётниками! У МЕНЯ КРУГИ ФОКУСИРОВКИ ОТТОРГАЮТСЯ ГЛАЗКАМИ! А Я ХОЧУ! И Я УПРАВЛЯЛА! Я НИКОГО НЕ УБИЛА! Просто... просто полетала... это было... было...

Саня отвесно спикировала из точки «я самая крутая» до «я плачу навзрыд, успокойте меня». И я, конечно же, полез успокаивать. Из моего опыта следовало, что собутыльника, который вот так резко и кардинально меняет настроение, лучше стабилизировать, иначе он натворит столько хуйни, что замучаешься разгребать. Фор где-то ругался на фоне, а я старался вернуть в строй Саню, что-то обещая, совсем не подозревая, что этим я ломаю свою судьбу и выбираю путь «рвущих пространство».

Дальнейшее продолжение пьянки куда-то потерялось. Я пытался покрасить засветки, но доклады Сани и Форас

ходятся, противоречат друг другу и каждый раз новые.

Первое осознанное и цельное воспоминание: я смотрю на часы и понимаю, что мы точно опоздаем к куратору.

Второе осознанное и цельное воспоминание: левая нога стоит на подножке автоматического такси, левая рука держит борт, правая рука держит откидную дверь, правая нога бездействует и болтается над лесом – я формирую правую плоскость стабилизации. Такси летит с превышением скорости и с занижением минимальной высоты, чуть ли, не царапая верхушки деревьев пузом. За левую импровизированную плоскость стабилизации отвечает Фор, в прикинутом «на глаз» центре масс сидит Саня, окутанная проводами из раскуроченной приборной панели. Встречные потоки воздуха отрывают плохо приклеенную пирамидку с логотипом таксопарка с капота и отправляют её прямо мне в лицо. Я не успеваю среагировать и получаю за это один большой красный минус во всё лицо. Встречные потоки воздуха отрывают плохо закреплённый капот и отправляют его мне в лицо. Я *успеваю* среагировать и прячусь в салоне. Потеря плоскости и нарушение распределения масс плохо сказывается на летательных качествах, поэтому я опять высовываюсь на улицу и стабилизирую авто. Полёт продолжается.

Третье осознанное и цельное воспоминание. В правой руке – Саня, в левой руке – Фор. Оба слегка в сознании. Надо двигаться аккуратно, чтобы в маленьком отсеке не задеть серверные шкафы и не уронить *моих* астронавтов. За огром-

ным столом с кучей развёрнутых дисплеев сидит удивлённый седой кэц (куратор Ио), а мы стоим перед ним.

– Кур-сант Ли-ис! При-б-был! Для. Ля.

– Бля, – седой потёр кончик уха, не веря своим глазам, потом повернулся к одному из мониторов и скомандовал ему, – курсант Лаки, к куратору! Живо!

Мы не просто успели к назначенному сроку, мы умудрили явиться раньше. Через час в почту куратору упадёт доклад агентов Абсолюта (курсанты, сдающие практику), осуществивших наблюдение за нами. В докладе всё будет обычно: напились, сели в такси, прибыли с опозданием. За этот доклад группа наружного наблюдения получит пизды и всему потоку придётся долго и нудно пересдавать практику. А полиция будет вяло искать пропавшее такси (*что же с ним могло такое случиться?* – прим. Рисе) и со временем забудет на него.

– Лаки, – скомандовал куратор кому-то за моей спиной, – разведи это говно по кубрикам и нацепи их командору и медику браслеты. А то они не в состоянии.

– Есть! – рука, предположительно, Лаки, легла на моё плечо, – Аккуратный шаг назад, и-и раз! И-и два!

– Уф, одной проблемой меньше, – пробормотал куратор, думая, что я его не слышу. А если и слышу, то не запомню. А если запомню, то не пойму.

Байки астронавтов: «Династии»

Ненавижу нынешнюю молодёжь.

Учёные перелопатили геном, улучшив всё, что только можно, сохраняя базовую структуру и обратную совместимость.

Биологи и инженеры создали автономные микромашины, которые текут по нашим венам.

Инженеры смогли подключить наши мозги и глаза к процессорам.

Прогресс вырвал нас из лапок тупой эволюции и дал все возможности взять космос штурмом. А что мы?

В ВКС вечный недобор, планку снижать уже некуда – даже мутантов без кругов фокусировки или сопроцессоров берут. Да мы должны были иметь возможность к каждой гражданской машине приставить сопровождение!

Рой Дайсона строят уже 90 лет. И ещё двести строить будут. Он должен был быть готов за десять лет!

Астроэкспедиционный корпус трясётся над каждым экипажем проверяя и перепроверя координаты будущего слепого прокола. Мать твою, они должны гибнуть сотнями, открывая десятки новых систем!

Почему никто не рвётся наверх? Почему все космические сферы заняты потомственными военными, потомственными инженерами, потомственными биологами? Прапрадед моего

инженера командовал моей прапрабабкой! Диспетчер боевой станции Кэц – дочь моего сына, который служит на большой боевой машине Альянса.

Одна бесконечно огромная блядская династия.

От: ВКС Кэц. Академия. Анонимный куратор.

Добро пожаловать в Академию

Центральная академия Кэц – это не просто огромная грустная коробочка маскировочного цвета, которую в хвойных лесах не видно с орбиты. Это сложное техническое сооружение. Планировка дублирует типовую боевую станцию или большую машину: узкие переходы, низкие потолки, обязательные поручни и выемки на полу/потолке/стенах, отсутствие окон, замкнутая система вентиляции и рециркуляции воздуха со слегка дребезжащими решётками, вибрирующая палуба и другие простые астра-радости. Все помещения полностью герметичны, бронированы и поддерживают функцию консервирования, – можно закрыть двери, залить отсек водой под потолок и ничего не случится. Внутри вы найдёте: огромные бассейны для тренировок, полноразмерные копии крыльев, малых и средних машин, копии боевых постов с больших машин, копии отсеков управления, тёмные отсеки, полосы препятствий в стиле ВКС, стрельбища, игровые стрельбища и так далее.

Кстати, лёгкое дребезжание решёток – это, между прочим, фишка – ты привыкаешь к этим звукам и уже не обращаешь на них внимания до тех пор, пока они не прекратятся. Заткнувшаяся решётка может значить только одно: система регенерации и рециркуляции воздуха перестала работать. И если это не было запланировано, то всё плохо.

Ну а палуба (палубой в ВКС называют любую горизонтальную поверхность, куда направлена сила тяжести) вибрирует из-за энергетических установок. С одной стороны, это не фишка, а просто отсутствие необходимости как-то сильно компенсировать вибрацию. С другой стороны, вибрация заявлена, как обязательная особенность наравне с решётками. В любом случае, если палуба не дрожит, то это значит, всё чрезвычайно хуёво.

Условия проживания соответствуют условиям на станции: курсанту полагается один кубрик, в котором помещается одна койка и один ящик для вещей. Ящик висит над койкой, поэтому об него вечно бьёшься лицом.

Есть несколько общих столовых. Меню на всех единое, стандартное и не предполагает выбора. Что для старших, что для курсантов. На завтрак и обед выдают стандартный армейский синтетический астра-рацион категории «просто добавь воды», который выглядит, как невнятная однородная *субстанция* ядовито-зелёного цвета. Все витамины, калории, микроэлементы в одной миске. Выраженного вкуса и запаха не имеет, ты вообще не понимаешь, что ты пытаешься есть. Зато ужин положен настоящий, органический. С настоящим мясом, настоящими овощами, настоящим соком. А каждый 25й день (понятие «день» в академии достаточно сложное) – праздничный: органические завтрак, обед и ужин. И обязательный настоящий кофе с молоком (молоко по желанию)! И обязательный десерт к обеду и ужину: мо-

хочешь посмотреть, то подноси руку к лицу или разворачивай уёбищный голографический дисплей. С браслета можно: почитать правила и положения службы в ВКС; скачать инструкцию, книгу, фильм, сериал или игру из локальной (выхода в большие интернеты нет) библиотеки; есть текстовый чат, в контактах находится вся твоя группа, куратор и старшие; есть календарь с расписанием занятий и приложением для прокладки маршрутов по академии; будильник (пищит, вибрирует и бьёт током); монитор физического состояния; учебные программы и другой бесполезный мусор.

Но до официального начала обучения ещё надо дожить – одобренных курсантов везут со всех обитаемых планет всеми подручными средствами и этот процесс растягивается надолго. Потом уже в академии проводят перепроверку показателей курсанта и при необходимости переопределяют в другую группу, меняют профессию или досрочно, без штрафа, разрывают контракт. Пока группа соберётся в одном месте, пока её сформируют – пройдёт не один десяток стандартных дней. Всё это время расквартированные курсанты без дела слоняются по академии, испытывают старших на прочность, пытаются проникнуть в запрещённые для посещения секции, изнывают от скуки, знакомятся между собой и привыкают к распорядку дня.

Всех этих радостей я был лишён – я был последним курсантом, необходимым для формирования первоначальной группы. Саня разбудила меня где-то под конец планетарно-

го дня, быстро ввела в курс дел, положений и протащила по психологам и медикам. Одним из которых оказался страдающий похмельем Фор. Это тоже интересный нюанс формирования экипажей ВКС: в ВКС призывается медик, который уже имеет практический опыт и может сходу выполнять прямые медицинские функции.

Фор взял образцы крови из кушетки, посмотрел в потолок, поставил отметку: «Годен» и лёг спать лицом в стол. Вообще-то он должен был ещё обработать рану на моём лице, чтобы шрама не осталось, но добудиться до него не получилось.

Все эти медицинские проверки я уже проходил дома на Земле, в академии просто делают быструю перепроверку на всякий случай. Вообще, сейчас любой человек или кэц, имеющий стандартный астра-пакет или расширенный астра-пакет генетических модификаций без проблем пройдёт всю серию физиологических тестов. Исключением являются только обладатели редких генетических заболеваний (как Саня) или уникальных мутаций.

В процессе хождения по кабинетам я пересекался с другими курсантами моей группы, как бы невзначай крутящимися неподалёку. Новые лица – это всегда интересно. Причём лица, вовремя прибывшие на разъёбанном такси с разъёбанной мордой.

Двадцать стандартных часов каши из новых лиц, бесконечных медобследований и тестов внезапно закончились, я,

вяло отмахиваясь от желающих подружиться, с трудом доковылял до своего кубрика, упал на койку, пристегнулся к ней (привычка, приобретённая на Катти Мару останется со мной на всю жизнь) и потерял сознание, только для того, чтобы быть разбуженным будильником в 00:00 и приступить к обучению.

Подготовка экипажей

В начале группа живёт по следующему распорядку: подъём, физо, завтрак, урок, урок, физо, обед, урок, урок, физо, бой, ужин, свободное время, отбой. Физо общее, на уроки курсанты ходят разделёнными по профессиям (есть исключения). Профессиональные занятия у навигаторов – это сплошная практика с лёгкими вкраплениями теории. Каждое место в аудитории выглядит, как приблизительная копия боевого поста навигатора: большая клавиатура, большой выгнутый (от себя выгнутый) дисплей, широкий тачпад (мышка, стило, контроллер или любая другая штука, не прикрученная к столу, в условиях нестабильной гравитации бесполезна). Будущие навигаторы осваиваются с инструментами и задачами. У всех остальных ситуация аналогична. Эта часть обучения щадящая и ничего особо интересно не происходит. Её основная задача: вбить в курсанта все навыки для выполнения задач. Получить пилота, который в спокойно обстановке не путает педали; навигатора который может спокойно просчитать дальний шаг; и так далее. На это не уходит много времени: инструменты предельно просты, понятны и сделаны для идиотов. Даже кошку можно было бы научить, если бы ей хвост не мешал.

А вот после первого экзамена (*который я, естественно, сдала на «ахуительно»: 3 – прим. Сани*) начинается са-

мый экшен. Курсанты уже показали себя специалистами, все знают, кто что может. Наступает время жёсткой подготовки и формирования экипажей. И начинается время отсеивания не годных по тем или иным параметрам. И заканчивается время фиксированного распорядка, занятий становится больше, и они становятся разнообразней. В это время отдельные курсанты получают одну красную нашивку и начинают считаться личинками командоров. Не все способны стойко перенести всё дерьмо, которое падает на командора, и у многих нашивку заменяется обратно на жёлтую.

А физо никуда не девается. Гражданским лицам физическая подготовка астронавтов кажется странной – ведь боевому астронавту не нужно что-то штурмовать, куда-нибудь десантироваться, кого-то убивать, он же всё время сидит в кресле. Но даже сейчас дети не сходят с конвейера розовощёкими, выносливыми и мускулистыми суперсолдатами (*Кстати, большая мышечная масса для астронавта – это вообще-то плохо – увеличивается требуемое количество калорий, потребление кислорода и запросы роя микро-роботов, живущих в кровеносной системе, – прим. Фора*). Астронавт должен быть вынослив и должен спокойно пережить долгую вахту без стабильной гравитации. А этого можно добиться только тренировками.

А что на счёт боя... то, начнём и закончим тем, что рукопашный бой и стрельбы – это весело. (*Все мальчишки проявляют какую-то безумную в своей разрушительной силе лю-*

бовь к оружию. И чем больше мощность, тем больше разрушений готова наносить эта любовь. Мне их не понять, – прим. Деси) (Разве ты не чувствуешь приятную дрожь при прогреве главного калибра? Твоё сердце не начинает биться чаще, когда видишь поднятый в боевое положение ствол? – прим. Хокса) (У тебя просто ствола нормального не было:3 – прим. Сани).

После того, как все не годные отсеялись, а все экипажи сформировались (самостоятельно или по подсказке) им предстоит пройти новую серию экзаменов и получить первую увольнительную на 30 стандартных часов!

Дальше следуют экипажные занятия и финальная подгонка астронавтов друг к другу. Практики плавно переезжают наверх, на реальные машины, реальные полигоны, реальное оружие, реальные манёвры. Заканчивается всё официальным присвоением статуса, торжественным выпуском и первым отпуском. Первый отпуск даётся по желанию, если экипаж хочет сразу же приступить к делу, то никто не против.

Я не буду подробно описывать каждый день – обучение в самом начале вообще невероятно унылое для описания. Навигаторы часами сидят перед дисплеями, прокладывая маршруты или пытаюсь понять, где они находятся, ковыряясь в базах данных. Эту часть я вообще пропущу за унылость. Остановлюсь только на самых увлекательных эпизодах или полезных для гражданских записей лекций.

Нулевой день

Нулевой день обучения, время: 000:000:000.

Я с трудом очнулся ото сна, под противный писк браслета, отстегнулся от койки, надел ботинки и вышел в коридор к другим таким же вялым, не проснувшимся курсантам. В календаре браслета висела задача:

«Задача: Физо

Время: 000:010:000

Место: Д21-М55

Ответственный: Рисе [связист]

Заметка: Под командованием курсанта Рисе отправиться на зарядку в отсек Д21-М55. Форма одежды: 2.»

Я понятия не имел, кто такая Рисе и где этот отсек, так как был лишён прекрасной возможности слоняться без дела по академии, ожидая прибытия других курсантов.

Секунды тикали, а Рисе всё никак не появлялась. Это настораживало: может это какой-то хитрый тест, ведь подготовка уже началась? Или техническая накладка, которые случаются постоянно? И что значит форма одежды номер 2?

Я осмотрелся в поисках решения проблемы или развлечений. Справа от меня у двери с табличкой «Рисе, связист» стояла девушка с нашивками связиста и нашивкой с именем «Рисе». Миниатюрная (рост по нижней границе допустимой ростовой вилки), какая-то вся невероятно хрупкая и болез-

ненно бледная, с ярко-бирюзовыми, чуть-чуть светящимися в темноте кругами фокусировки на глазах и короткими волосами цвета нагар-титан.

Рисе спокойно стояла и делала вид, что она здесь ни при чём. Я решил взять ситуацию в свои руки и подошёл к связисту.

– Ну, что?

– Что? – переспросила Рисе.

– Пошли!

– Куда?

Этот разговор не мог стать ещё глупее.

– На зарядку, – ответил я и дружелюбно улыбнулся (*очевидный провокатор такой очевидный – прим. Рисе*). Девушка скрестила руки на груди и сделала небольшой полушаг в сторону. Это пошло вразрез с планом, выстроенным в моей голове. И я растерялся, не понимая, что следует делать дальше. Если быть точным, я вообще не понимал, что надо делать. Вот, передо мной стоит курсант, похоже, назначенный за главного, но по каким-то причинам отказывающийся выполнять свои функции. Вот, вокруг начинают переговариваться курсанты (60 единиц живой силы в гулких узких коридорах создают чудовищный шум, даже если молчат), которые тоже не понимают, что происходит. Невнятную ситуацию преломила Саня – прорвавшись сквозь толпу, девушка прыгнула мне на плечи и практически проорала в ухо:

– Ебать! Чуть не проспала! Ну, что?

– Что? – тупо переспросил я.

– Ага! Пошли!

– Куда? – я не собирался дублировать свой разговор с Рисе, но это как-то само собой получилось.

– На зарядку!

– Окей! – я развернул дисплей браслета, нашёл отсек Д21-М55 и прикинул маршрут, – Пошли.

Не церемонясь и особо не думая, мы начали протискиваться через толпу. Кто-то увязался за нами, кто-то за теми, кто увязался за нами, кто-то остался ждать. Неорганизованная, невнятная куча курсантов устроила давку в узких переходах. По пути в зал мы потеряли многих.

Ровно в 000:013:000 группа в составе 22 курсантов прибыла на место. В центре громадного ярко освещённого отсека физической подготовки сидел явный космодесантник в камуфляжных штанах и майке. Наше появление его слегка заинтересовало, но не заставило подняться с палубы или оторваться от планшета. Немного потолкавшись на входе, шёпотом обсудив ситуацию, все 22 курсанта пришли к выводу, что нам надо подойти ближе.

Десантнику, похоже, надоело ждать развития событий – он встал, широко развёл руки и выругался:

– Каждый ёбанный раз. Каждый, блядь, раз. Что ни группа, то сборище дебилов. Где всех остальных проебали? Курсант Рисе, доклад!

А в ответ – тишина.

– Ахуенно. Просто ахуенно. Так, кто из вас, долбоёбов в курсе, где она? Ты, инвалид безухий, – десантник посмотрел на меня, – доклад!

Я суматошно собрал в голове факты и попытался что-то сказать:

– Эм... Рисе... курсант Рисе отказалась вести группу. И... Эм. Я решил пойти сюда.

– Этот акцент и словарный запас из двух слов заставляют мои уши кровоточить. Ладно. Ладно.

Десантник с планшета отправил всем курсантам моей группы сообщение с требованием немедленно явиться в Д21-М55 и заодно включил будильник на вибрацию с электричеством. Разряд браслета совсем слабый, совершенно безопасный, но очень неприятный. Он не является мерой наказания, это просто один из вариантов беззвучного будильника, гражданские браслеты тоже такое умеют.

– Будем ждать этих розовых дебилов. Мне совсем не хочется повторять свою проникновенную речь дважды. Можете пока яйца повилизывать.

Ещё сильнее побледневшая Рисе стояла лицом к строю. Между ней и нами, держа руки за спиной расхаживал десантник.

– ВКС Кэц. Космодесант. Инструктор Чай. Да, меня зовут Чай. Да, это действительно смешно. Можете шутить, мне всё равно. Отвечаю за физо. Но как я могу за него отвечать, ес-

ли в группу набрали инвалидов с половиной мозга? Курсант Рисе! – девушка вздрогнула и прикусила губу, – Какого хера ты не привела группу сюда? Приказ был ясен?

– Так точно!

– Так какого?...

– Не могу знать! *(Я решила, что это провокация и за следование такому приказу я получу штрафные балы – прим. Рисе)*

– Курсант Лис!

«А я-то тут при чём?», – подумал я, но шаг из строя сделал.

– Тварь безухая, вот какого хера ты всех остальных за собой не притащил?

– Не имел полномочий!

– Грх! – Чай прорычал что-то невнятно, отвесил мне подзатыльник и заорал прямо в лицо, – Ты! Ёбаный! Астронавт! Элитные, мать вашу, войска! У тебя такая мобильность и эластичность, что можешь выебать Абсолют, захватить власть в штабе ВКС, устроить геноцид и ничего тебе за это не будет! Даже медаль дадут! И увольнительную! Запомните раз и навсегда, дегенераты! Вот простейшая ситуация: Рисе обосралась. Очевидно потому, что ей случайно вырезали мозг и залили дерьма в голову. Лис это обнаружил и что он должен был сделать, как единственный, имеющий половину мозга? Он должен был заорать: «кошки драные на зарядку становись!», проверить все ли инвалиды на месте

и организованным строем повести вас сюда. К сожалению, у Лиса только половина ёбаного мозга и он до этого не дошёл. Но если у Рисе в башке говно, у Лиса половина мозга, то у всех остальных головы, нахуй, пустые. А это значит... Лис! Рисе! Упор лёжа при-нять! Делай раз! Лис, жопу ниже! Делай два! Делай раз! Два! Раз! Два! Раз! Полтора! Лис, судя по сканерам ты вёл за собой 40 курсантов. Но пришло 22. Ты где всех их проебал, мудила? Команды «два» не было! Ты стал командиром группы, начал нести за них полную ответственность и так бездарно проебал 18 боевых единиц! Делай два! Раз! Два! Раз! Два! Полтора! Рисе, это был явный приказ. Чётко согласованный и логичный. Назови мне вескую причину не следовать этому приказу! Одну! Пускай она будет такой же ебанутой, как и ты, но назови мне эту причину! ВКС имеет право не выполнять заведомо ебанные приказы. Команды «раз» не было! Почему я не увидел выполнения приказа? Почему я не увидел отказа от выполнения? Почему приказ был нахуй проигнорирован? Причина! Дай мне причину! Команды «раз» не было! Элитные войска, мать вашу, мне за вами по всему пространству придётся бегать и говно с жопы вытирать? Самоорганизоваться не могут. Делай раз! Что ты будешь делать, когда наш замечательный штаб разьебут к хуям? А? Ты встаёшь в полный рост и берёшь весь ебучий ВКС в свои руки! Встаёшь в полный рост и кричишь: «ВКС Кэц! Под моё командование!» А не ждёшь, пока кто-то умный придёт и решит все твои проблемы! Делай два! Делай

раз! Полтора! Полтора! Полтора! Два!

Чай продолжал нас отчитывать и командовать отжимания. Было обидно и меня грызла злость. Злость не на десантника, а на себя, что я, по сути, с подачи Сани дело начал, но до конца не довёл. Это было бы так просто всех позвать. Ситуация могла бы обернуться совсем иначе. (*Он выёбывается? – прим. Сани*) (*Определённо выёбывается, – прим. Деся*)

На очередном «делай два» руки отказались участвовать в этом дерьме и моё лицо встретилось с полом. За это я получил лёгкий удар по почкам и разрешение вернуться в строй вместе с Рисе.

Руки дрожали и плохо слушались, но меня отпустили, можно было отдышаться...

– С воспитательной частью мы закончили, – Чай усмехнулся, – а теперь будет физо. На-право! Шагом! Пошли, пошли!

И группа пошла. Потом побежала.

Базовый набор упражнений, приблизительно, следующий (методичку я одолжил у Чая):

«Физо для астронавтов:

1) Общеразвивающие упражнения: ходьба, бег, набор упражнений для мышц рук, ног, туловища (парные\одиночные);

2) Ускоренное передвижение: прыжково-беговые упражнения, бег;

3) *Комплексная тренировка: упражнения из предыдущих отделов, простейшие приёмы рукопашного боя.*

4) *Физические нагрузки какого-нибудь типа.*

//NOTE: Не торопиться с рукопашным, а то они ахуют

//NOTE: Уньние. Надо разнообразить».

Это полная методичка вместе с заметками. Ради разнообразия Чай добавлял всякое: «ловля бабочек», совместные приседания, доставка трупов, бег по гелю и другие *невероятно весёлые* разнообразия.

Вся зарядка заняла 40 стандартных минут и после неё хотелось лечь и сдохнуть. Чай махнул нам «свободны» и свалил куда-то, даже не обратив внимания, что группа просто рухнула на пол. Но лежали мы не долго. Браслеты завибрировали, предупреждая о приближении к новому событию: «под командованием Честера отправиться на завтрак».

– Эй! – кто-то жалобно прокричал, – Я Честер! За мной!

Группа вяло поползла в сторону выхода, устроила толкучку в переходах, но на завтрак прибыла полным составом и практически вовремя.

В столовой я с удивлением обнаружил, что не могу держать поднос в руках – он почему-то постоянно падал. Помощь пришла с ожидаемой стороны – перед моим лицом внезапно появились яркие зелёные глаза без кругов фокусировки в комплекте с плюшевыми ушами.

– Ты решил начать скрываться от меня?

– Спасай, – я пропустил мимо ушей Санин вопрос, – руки не держат.

– Только если больше не будешь от меня прятаться! – Саня была лишь слегка уставшей, словно не занималась со всеми нами.

– Сама не теряйся.

– И не надейся! Ты обещал меня взять в свой экипаж!

– Я этого не помню, но ничего против не имею.

– Ну-ну, а кто пытался спасти ту выскочку Ресе, демонстративно разделяя с ней боль?

– Что ты, блядь, несёшь? Да и вообще она связист. Я бы закрыл лицо рукой, если бы мог поднять руки.

– Значит, я буду кормить тебя с ложечки! – Саня и так активная и живая. Но тогда она *оживилась*, возведя саму себя в квадрат. Достаточно утомительная девушка.

В середине безобразно идиотского обеда, где я безуспешно пытался есть ложкой, а Саня ржала и пыталась меня кормить, к нам за столик подсел Честер – сильно загорелый и достаточно упитанный кэц с выцветшими волосами. Честеру второму дадут должность командора, покрасят нашивку в красный и позволят набирать экипаж. Действуя чисто на интуиции, он всегда умудрялся ловить чёткие правила игры и по ним строить свои действия. А вот ситуациях без правил он ломался.

Честер пришёл ко мне не просто так, а с гениальной идеей оптимизации перемещений: он предложил выбрать несколь-

ких лидеров, которые будут водить разбитую на отряды группу разными маршрутами, чтоб не мешать друг другу и не создавать пробки в коридорах. Я идею одобрил, хоть тогда и огрѐб за свою внеплановую инициативу. Идея Честера идеально подходила под мой личный девиз, украденный из какой-то книги: «Сюжет должен развиваться стремительно!». А если никто не хочет сюжет двигать (как это случилось утром нулевого дня), то надо брать дело в свои руки.

Обсуждение новой тактики прервало новое задание, упавшее на браслеты: «прибыть на вводный инструктаж». Мы ментально и практически успешно привели свой план в исполнение. Один назначенный и два хитрых командора быстро нашли общий язык, организовали курсантов и прибыли в аудиторный отсек к сроку.

В академии все занятия проводят действующие военные с *достаточно свежим* опытом. Обычно, преподают астронавты, находящиеся на излётах своих контрактов. ВКС развивается слишком стремительно, и в момент «сегодня» методичка, написанная вчера, успела *преступно* устареть. Я не просто так выделил слово «преступно» – это один из терминов ВКС Кэц, из категории «перерасхода ресурсов». В двух словах, «...отправивший личный состав на заведомо суицидальную миссию или поставивший личный состав в положение заведомо суицидальной миссии, или создавший ситуацию, приведшую к попаданию в заведомо

суицидальную миссию, несёт неотвратимую, необратимую и моментальную ответственность...». Конечно, эта статья не действует в условиях последней линии обороны. Когда какие-нибудь чужие активно врываются в наше пространство и пытаются уничтожить домашнюю планету, ты не рассуждаешь «является ли тот или иной приказ преступным», ты его отдаёшь или выполняешь, стараясь всеми силами защитить планету.

Да, ВКС это странно.

Немного ясности попытался привнести наш куратор со своей вводной лекцией.

Основы формирования экипажей

В дальнейшем я буду приводить полные конспекты наиболее интересных и не засекреченных лекций. Возможно, в будущем многие вещи кардинально изменятся и эти конспекты вам ничем не помогут. Зато они станут частью истории, по которой можно будет восстановить стремительную эволюцию ВКС (или деградацию, это уж как получится).

Куратор: ВКС Кэц. Куратор Ио. Я курирую вашу группу. Обращаться ко мне можно «Куратор Ио» или «Ио». Добро пожаловать в средний ВКС. Самый странный ВКС.

Куратор: Если вы ещё не поняли, то астронавт средней боевой машины это в первую очередь – полевой агент. Во вторую – специалист. А потом – мобильный штаб, филиал ВКС Кэц, филиал Абсолюта, Аналитический корпус, Дипломатический корпус. И, по необходимости, другие корпуса.

Куратор: Из-за того, что время сейчас мирное, вы получите дополнительные лекции по каждому направлению в котором, возможно, придётся работать.

Куратор: Подготовка экипажей средних боевых машин ведётся в виде потока: зашло 60 курсантов – вышло 10 экипажей. Но это идеальный вариант, обычно, мы получаем 5—8 экипажей. Свободные курсанты или вылетают из академии и выплачивают компенсацию, или распределяются на крылья, большие машины или станции.

Куратор: Экипаж формируется в академии, выпускается наружу и больше не меняется. Такой подход вызван спецификой средних машин. Во-первых, потери. Если средняя машина гибнет, то гибнет со всем экипажем. Частичных потерь настолько мало, что мы можем рассматривать каждый неполный экипаж, как уникальную ситуацию. Во-вторых, психологическая совместимость. Одно непрерывное дежурство может занять до 6000 стандартных часов. А теперь подумайте: 6000 стандартных часов и 6 астронавтов в маленькой консервной банке без квадратного сантиметра личного пространства. Каждый член экипажа отвечает за весь экипаж и имеет полный контроль над всеми системами. Всеми! Полный контроль машины и полный контроль за боевыми костюмами. Один небольшой конфликт и тихая обида легко и непринуждённо превращается в катастрофу. Даже пассивно-агрессивное поведение угробит машину всю и сразу.

Куратор: На средних машинах служит минимально допустимый экипаж. Если его урезать, то падает боеспособность, если расширять, то придётся увеличивать размеры машины и она перестанет быть средней. На средних от всех зависит всё. В тепличных условиях академии можно обнаружить будущие конфликты и развести несовместимых по разным экипажам. Или выкинуть критически несовместимых в воздушный шлюз.

Куратор: В этот раз у меня есть отличный пример – курсант Лис. Определив его в экипаж к командору-расисту, ВКС

потеряет, как минимум, одну боевую машину. Лис долго не сможет терпеть издевательства или находиться в эмоциональном вакууме и начнёт действовать. В лучшем случае мы получим погибшую машину с погибшими астронавтами, в худшем – машину-ренегат. А машины-ренегаты доставили слишком много проблем, чтобы не пытаться как-то решить их проблему. Курсант Рисе, слушаю вас.

Рисе: Почему в данном случае вы не рассмотрели вариант, когда командор-расист убивает курсанта Лиса и остаётся без навигатора?

Куратор: Из профиля Лиса следует, что он будет готов к этой ситуации и командор не успеет устранить навигатора. Впрочем, даже если успеет, то командор окажется в невероятно дерьмовой ситуации, о которой вам расскажут на вводной лекции по навигации.

Куратор: Продолжаем. И, финальная причина, во время войны академия должна стабильно и регулярно поставлять экипажи. Производственные мощности могут клепать сотни машин, а вот с экипажами проблема. Конечно, конвейерная подготовка будет поставлять отвратительные экипажи, но лучше уж такие, чем никаких. Курсант Сафари, слушаю вас.

Сафари: Почему нельзя заменить нас автоматическими системами, как произошло с большинством рабочих мест на планетах?

Куратор: Начнём с того, что все системы боевых машин

максимально автоматизированы, благодаря чему мы и можем обойтись шестью астронавтами. Продолжим тем, что в данный момент существует только один максимально универсальный и автономный робот. Имя ему: обученный астронавт. ИИ до сих пор оставляет желать лучшего, особенно на нестандартных ситуациях. Например, однажды мою машину протаранил автобус. Обычный автобус. На колёсах, с двигателем внутреннего сгорания. Он пробил «Солнечно-му лучу» крышу, снёс с неё все сканеры и застрял в прочном корпусе. Торговый флот перевозил музей между планетами, двери грузового шлюза сломались, во время шага автобус вывалился наружу, воздух и «хлопок» щитов предали ему ускорение, а половинная вахта проморгала столкновение. А теперь вопрос: как должен среагировать ИИ в ситуации, когда в средней боевой машине торчит автобус, истекающий бензином? А что сделал обученный астронавт, услышавший трёхтоналку и доклад старпома: «в нас взрезался автобус, кругом бензин»? Он пошёл заклеивать бензобак автобуса, чистить отсеки, потом взял аппарат дуговой сварки, приварил автобус к корпусу и пошёл домой на капремонт вместе с автобусом. Курсант Сафари, слушаю вас.

Сафари: Но это достаточно редкая исключительная ситуация.

Куратор: На частном примере – да. Сомневаюсь, что в вас влетит автобус. Но пространство – это помойка. Торговый флот вечно теряет что-то. Где-то там до сих пор летят тор-

педы, запущенные во времена первой межпланетной войны. Куски станций или машин, спутники, зонды, целые станции, целые машины, планеты, потерявшие звезду, ошметки планет после взрыва сверхновых. Где-то там наверху двухкилометровый памятник какому-то лысому человеку бороздит просторы космоса.

Куратор: Но это мелочи. Внешаток, конечно, много бывает. Типа шланга, намотавшегося на локатор; куска брони, застрявшего в выхлопных соплах; отвалившейся ЗЭУ или ремонтника, заснувшего между активным и прочным корпусами. Я хочу... курсант Деси, слушаю вас.

Деси: Простите, отвалившийся ЗЭУ?

Куратор: Случайное срабатывание системы аварийного сброса Зелёной Энергетической Установки. Средние машины несут на себе две энергетические установки: красная и зелёная, по цветам бортов. И с одной можно жить, но тогда вывалилась наша последняя установка. В начале пилоту, используя минимум мощностей с батареек, пришлось её догонять, а потом экипаж ловил её и заталкивал обратно. Аварийный сброс – жёсткая процедура, установка покидает машину вместе с кусками реакторного отсека, мне пришлось импровизировать и подключить её обратно через что придётся. Это достаточно нестандартная задача: с минимумом ресурсов решить сложную инженерную проблему. Например, в качестве гасителя я использовал приготовленные, а после замороженные армейские пайки.

Деси: Вас поняла, спасибо.

Куратор: А теперь я хочу перейти к самому главному. К стеклянным ногам, на которых стоит всё наше общество. К механизму проколов. Кратчайшим путём из точки А в точку Б является прямая. Но прямая это долго. Механизм проколов позволяет сжульничать: «изогнуть» пространство, сделать в нём «дырку» и таким образом кратчайшим путём между двумя точками будет точка. Сейчас на экран я выведу визуализацию, для наглядности. Вот перед вами ограниченная плоскость. Ставив две точки. Теперь складываем плоскость таким образом, чтобы эти точки совпали. Берём некий острый предмет и делаем дырку. Теперь нам не надо лететь тысячи лет, чтобы провести отпуск на каком-нибудь курорте Земли из системы Соль. Перемещение будет мгновенным. Нюансы работы механизма проколов вам расскажут на вводной лекции навигаторов. А я расскажу только главную суть. Механизму нужен сторонний наблюдатель. Без него прокол просто не открывается. Лаборатории Аргентума перебирали множество вариантов: ИИ, мозги в банках, животные, кэц в коме, кэц во сне... Ничего не сработало. Нужен живой и трезво мыслящий навигатор. Впрочем, пьяный на 79% навигатор тоже сойдёт.

Куратор: Но одного навигатора мало. Машиной нужно управлять. Автопилот не всегда справляется, плюс, автопилот потребляет энергию и вычислительные мощности машины. В бою эти вещи нужно экономить.

Куратор: Пилот и навигатор должны видеть, что происходит вокруг, должны иметь возможность связаться с другими машинами. Но один занят прокладкой маршрутов и расчётами проколов, а другой маневрирует. Добавляем связиста.

Куратор: Пилот стрелять не может. Это вам не крылья. Здесь сложные системы огня и сложное вооружение. Например, торпеду нужно подготовить: навестись, залочится, запрограммировать, запустить. Проведите-ка всё это маневрируя. Добавляем стрелка.

Куратор: Сердце боевой машины это две энергетические установки. Две маленькие нестабильные звезды, которые всё норовят выкинуть какой-нибудь подлый фокус с расслоением, разложением, мутацией, трансформацией или перерождением. Добавляем инженера.

Куратор: Имеем: навигатор, пилот, связист, стрелок, инженер. Их тоже нужно сопровождать. Добавляем медика. Вот вам и минимум.

Куратор: Нюансы и суеверия каждой отдельной профессии вам расскажут на профильных лекциях.

Куратор: А пока, помимо обучения, перед вами стоит задача социализации. Знакомьтесь, общайтесь, говорите. Долгие, долгие часы вам придётся делить скромные площади средней боевой машины с кем-то из здесь присутствующих. Это серьёзной племени, клана, биологической или синтетической семьи. Не забывать это.

Куратор: Всё происходящее в академии – это обучение.

Вы должны действовать, должны учиться, должны задавать вопросы, должны совершать ошибки. Потому что наверху у вас не будет право на ошибку.

Куратор: В академии вы не имеете права совершать только критические ошибки. Все они описаны в файле «критические неудачи». Ознакомьтесь. На этом всё. Свободны.

Основы прокладки маршрутов в трёхмерном пространстве

Лекции по навигации вела невероятно весёлая женщина, немного напоминающая *Саню* (*но-но, я красивее – прим. Сани*). На все каверзные вопросы она отвечала: «понятия не имею, посмотрим в справочнике!» или «понятия не имею, запускаем симуляцию и надеемся, что она не обосрётся!».

Рейвен была первым астронавтом с синдромом вахты, которого мы встретили. Достаточно распространённое профессионально заболевание астронавтов. Она передвигалась специфичной шаркающей походкой, не всегда верно рассчитывала прыжки (она обожала запрыгивать на стол и сидя на нём читать лекцию) и постоянно проверяла наличие шлема, пристёгнутого к бедру.

Рейвен: ВКС Кэц. «Дождливый вечер». Навигатор Рейвен. (*Стандартное обозначение себя: «Принадлежность к ВКС. Название машины. Специализация. Позывной» – прим. Лиса*)

Рейвен: Так-так-так, что я вижу. Интересная группа, интересная. Я вообще-то хотела начать свою лекцию с едких и точных комментариев, описывающих каждого навигатора и пилота, но успела всё позабыть. Профессиональное. (*Нет, не профессиональное – прим. Деси*) (*Да, профессиональное, навигатору приходится держать в уме огромные количества информации, которые после завершения расчёта ста-*

новятся не нужны. Нашёл – применил – забыл, – прим. Лиса).

Рейвен: Это обзорная лекция, поэтому вас тут так много. На ней все должны понять, почему навигатор – важнее всех.

Рейвен: В космосе, или трёхмерном пространстве, есть одна самая страшная вещь, по сравнению с которой любые опасности незначительны. Внезапное звено противника? Сотрём или сбежим. Прогретая боевая станция? И не такие штуки взрывали. Поломки? Да любой инженер соберёт временную энергетическую установку на коленке. Чужие? Ха, мы рождены, чтоб звёзды сделать пылью!

Рейвен сделала драматичную паузу.

Рейвен: Заблудиться. Вот что самое страшное в космосе.

Рейвен: Космос пугающе огромен. Можем сыграть в игру: размер вашей машины 1 сантиметр. Радиус зрения: метр. Вы находитесь где-то в атмосфере. Через 30 стандартных минут экипаж умрёт. Задача: найти нашу любимую академию.

Рейвен: Можете особо не думать над ответом. Все ваши предложения не будут работать в космосе. Да и в задаче подвох. Вы не на Кэц, а на Неп. Но надо найти академию на Кэц. Это могло бы звучать смешно, если бы не было так страшно.

Рейвен: К сожалению, мы, навигаторы, не волшебники и не умеем моментально определять, где находится машина.

Рейвен: На средней боевой машине находится 36 устройств, которые записывают. Каждое устройство имеет независимого дублёра. В каждом устройстве продубли-

рованы все схемы. И все эти устройства пишут. Фиксируют реликтовое излучение, записывают спектрограмму ближайших звёзд, пишут рельеф ближайших планет и астероидов, пишут положение видимых звёзд, внешний вид галактик, карту нагрева окружающего пространства, пишут маршрут, пишут показания гравитационного компаса, маршрут пройденный машиной, скорости, формы и рельефы тел, пролетающих неподалёку. Машина таскает с собой огромную и неповоротливую базу данных по всем, зафиксированным, слава экспедиционному корпусу, телам и их маршрутам. В каждый отдельный момент времени мы должны знать где мы находимся. Хотя бы приблизительно.

Рейвен: Создание проколов и синхронизация с маяками – это крохотный кусочек работы навигатора. Основной задачей навигатора является обработка этой информации и фиксирование текущего местоположения. Даже в бою. Навигатор всегда должен точно знать и перепроверять, где он сейчас находится. Всем в экипаже нужна информации о системе и навигатор должен её предоставить. Автоматика настолько часто объёбывается, что я её просто отключила. Даже на ровном месте она внезапно объявила, что мы не в родной Кэц, а в сраной Соль. А у нас, между прочим, нет ёбаного Юпитера, из-за которого локационный комплекс работает в три раза медленней, поэтому нужно повышать мощности для связиста, а это растрата ресурсов, и сфера ломается в кашу.

Рейвен: С открытием прокола в сфере локаторов справит-

ся кто угодно – выбираем две точки, на глаз подгоняем углы альфа и дельта. Бету можно подёргать, но лучше не стоит. Потом коэффициент Рассела задираем по границе. То же на глаз, так как граница, обычно, определяется сильно выше нормы. В совсем тихом варианте можно вообще ничего не делать, только проверить, что системы стабилизировались. Если нужно шагать сразу после или в процессе шага, то ещё корректировки по плоскостям, ускорениям, учесть ближайшие массивные тела, но это не обязательно, и наводки от уже действующего прокола, это уже важно, – во время шага навигационные системы на несколько тактов сходят с ума.

Рейвен: Вот и всё. А остальная часть работы автоматизирована.

Рейвен: Однажды мы вышли прямо в звезду! Такое случается, не злитесь на своего нави в таких случаях. Вроде, угол альфа был правильным, а бета чуть ниже. Мы делаем шаг, и я вижу, что мы выходим в звезду. Ну, не прям в неё, но предельно близко. Щиты моргнули, активный корпус плавится, прочный корпус плавится, всё, что было на морде умирает. Я наспех собираю прокол куда угодно отсюда, бросаю его в пилота и он, не задавая лишних вопросов и не ожидая приказа командора или окончания текущего шага, открывает и уходит в прокол. Да, мордашка со шрамом?

Лис: Почему нужно дожидаться окончания шага, чтобы сделать следующий?

Рейвен: Ура! Вопрос! Тематический! От навигатора!

Рейвен: Считается, что это опасно. Вообще, это достаточно опасно – открытый прокол даёт наводки на оборудование, поэтому надо вносить много корректировок и совершать много угадываний. Да, хитрые глазки?

Инь: Без угадываний никак не обойтись? Автоматически считать коэффициенты на основе наводок? Машины же с очень мощными компьютерами ходят...

Рейвен: Да, компьютеры у нас мощные. Вот только недостаточно мощные. Прокол сильно меняет окружающее пространство. Это, буквально, дырка. Математическая абстракция в реальном мире. И чтобы просчитать все изменения в мире, которые возникают из-за такой дырки надо эмулировать поведение всей вселенной.

Рейвен: Это как с погодой на планетах. Чтобы 100% точно предсказать погоду в отдельно взятом городе нужно эмулировать всю планету. Взмах крыльев бабочки в пригороде Белой Башни, вызывает ураган у берегов Саратоги.

Рейвен: Поэтому, прежде чем выйти на улицу вы смотрите прогноз, потом в окно и пытаетесь угадать: будет ли сегодня дождь. Кстати, дождь – это удивительная штука! *Питьевая вода льётся с крыши и это не катастрофа.* Так фантастично. Или вот *палуба*. Она *всегда* внизу. Безумно, не так ли?

Основы пилотирования в трёхмерном пространстве

Сноу: ВКС Кэц. «Дождливый вечер». Пилот Сноу. Поехали!

Сноу: Все задачи пилотирования делятся на два типа: невероятно лёгкие и невероятно сложные.

Сноу: Первые для автоматики.

Сноу: Вторые для нас.

Сноу: Потому, что – внимание на экран!

На экране средняя боевая машина, активно работая манёвровыми двигателями приближалась к стыковочному слоту станции.

Закадровый голос: Первая беспилотная боевая машина совершает свою первую стыковку. Машина оборудована мощнейшим, на данный момент, квантовым компьютером. Искусственный интеллект прошёл 10^{1024} циклов обучения на симуляторах. ИИ отлично себя показал на синтетических тестах и в трёхмерном пространстве. Сейчас мы можем наблюдать финальную проверку, торжество мысли гениальных инженеров и программистов...

На слове «программистов» машина, не снижая скорости, начала продольное вращение, врезалась в стыковочные слоты и продолжила движение, постепенно наращивая мощ-

ность ходовых двигателей и превращая кусок станции в кашу.

Курсанты смеются.

Сноу: Такие дела.

Сноу: Пилота вечно хотят убрать с машины, но ничего у этих умников не получается.

Сноу: Вам всем не нужно знать детали или понимать, что делает пилот. Вы это и так знаете, если играли хоть в одну видеоигру. Пилотирование – это легко. Можно обучить даже кошку. Практика-практика-практика-практика, рефлексы и интуиция. Здорово, если имеете какой-нибудь опыт – атмосферников, авто, кораблей, лодок, игр. Это поможет. Да, курсант... э-э-э... да, рыжий курсант?

Саня: Что с кругами фокусировки?

Сноу: Без кругов фокусировки тебя не примут в академию.

Саня: А я уже здесь!

Сноу: Тогда, ты не сдашь зачёты.

Саня: А я сдам!

Сноу: Как чужие на нас нападут, так сдашь. Автоматом. Ещё вопросы?

Круги фокусировки для пилота чрезвычайно важны. Все остальные специалисты могут более-менее сносно работать без этого импланта. А вот пилот обязан постоянно обрабатывать и контролировать огромное количество информации. Нужно видеть всё, что происходит с машиной, что

воздействует на машину и какие системы на сколько можно использовать. Нужно компенсировать или использовать огонь орудий с отдачей, следить за угловыми ускорениями, знать выработку энергетических установок, направленную на движки, следить за центром масс, вращением, состоянием корпуса, гравитационными силами, орбитами всякого дерьма. И это только малый базис, который преподавали всем остальным.

У пилотов самый большой пост с четырьмя огромными выгнутыми дисплеями. И этого всё равно мало. То, что не влезло на дисплеи отправляется на круги фокусировки. Пилоту постоянно нужна информация вся и сразу – у него нет времени на переключение между окнами. Я не представляю, как Саня умудряется справляться со всем этим используя обыкновенные глаза.

(Быстрые и независимые глаза, острый ум, богатое воображение и отрицательная скорость реакции – вот и все мои секреты! – прим. Сани)

(Отрицательная реакция? Нельзя начать действовать до того, как ты узнаешь, что нужно действовать! – прим. Рисе)

(Всегда так делаю, и никто ещё не умер, – прим. Сани)

(Я хочу нормальный экипаж, перераспределите, пожалуйста – прим. Фора)

Основы оказания первой помощи в трёхмерном пространстве

Док: У вас в команде медик. Пусть он и делает свою работу. Если медика больше нет, а вы есть, то сожрите все имеющиеся обезболивающие, витамины, временные микромашины и немедленно возвращайтесь домой.

Док: У меня всё.

Док: Ах, да, морда со шрамом. Или эту царапину кто-нибудь срочно обработает, или придётся тратить страховку на долгую и унылую косметическую операцию.

Основы контроля энергетических установок в трёхмерном пространстве

[Удалено Абсолютом]

(Установки поставляются в ВКС Альянса, ВКС Вертикали, ВКС Листопада, ВКС Эдема. Устаревшие модели установлены на машинах всех торговых флотов. Реакторы вместе с инструкциями доступны на чёрном рынке. Это уже давно тайна младшей сестрёнки. У нас даже есть разрешение на раскрытие Вортекса. Вы в своём уме, Абсолют? – прим. Деси)

(Необходимо получить другое разрешение, – прим. корректора Абсолюта)

(Прошу больше не совершать диверсий в центральном штабе Абсолюта, – прим. директора Абсолюта)

(Посмотрим, – прим. Рисе)

(Ничего не обещаю, – прим. Деси)

(Деси! – прим. директора Абсолюта)

(Хуеси! – прим. Деси)

Ладно, если кратко и без раскрытия.

Две энергетические установки – это сердце машины. Без них она превращается в бесполезную консервную банку с кучей трупов. Энергия нужна на всё: жизнь, движки, щиты,

орудия, проколы, связь, сканирование. Всё это питают два нестабильных (иначе бы не было бы необходимости устанавливать систему аварийного сброса) реактора. Какое-то время можно жить, сражаться и работать без них – по всей машине установлены аккумуляторные батареи как раз именно на такой случай.

В задачи инженера входит: осмотр, обслуживание, управление, контролирование, ремонт реакторов и батарей. Очередная самая ответственная должность – детонация одного реактора средней боевой машины сворачивает в точку кусок боевой станции.

Основы сканирования трёхмерного пространства

Рондо: ВКС Кэц. «Дождливый вечер». Связист Рондо.

Рондо: Пожалуй, я мог бы назвать связь и сканирование важнейшей вещью для средней боевой машины, но не буду искушать судьбу. Иначе ко мне явится уполномоченный представитель судьбы в лице доблестного навигатора Рейвен и будет долго бить бронированным шлемом по моей не бронированной голове. Поэтому, считайте связистов вторыми по значимости.

Рондо: Без радаров, локаторов и сканеров машина более чем бесполезна. Она слепа и опасна. Кто-то может подумать, что большие красивые панорамные окна решили бы проблему, но окно – это натуральная дыра в безопасности. Да и толку то от них... кто в своём уме будет глазами осматривать пространство? Это форменное безумие, если честно. Ну, что можно увидеть среди бесконечной черноты? Чужих?

Рондо: Все бои ведутся на огромных расстояниях, не подвластных глазам и некоторым мозгам. На какие бы ухищрения вы не пошли – всё равно среди бесконечной тьмы пространства не заметите бесконечно чёрную, отполированную машину, какого бы размера она не была. Хотя, некоторые станции или большие машины освещены и мерцают, как здание парламента при пожаре, но на больших расстояниях их

всё равно не видно и очень легко перепутать с далёкой звездой. Ну, да, теоретически, силуэт боевой машины перекроет звёзды-планеты и всё такое. Но кто в своём уме выйдет наружу фиксировать окружающее пространство визуально?

Рондо: Мы смотрим в мир с помощью сканеров и радаров, мы слушаем музыку космических сфер локаторами, мы видим друзей и отличаем их от врагов только благодаря несовершенной технике и дерьмовому программному обеспечению.

Рондо: Связист должен обеспечить пилота, навигатора и стрелка вменяемым осмотром окрестностей и связью. Звучит просто, на деле – геморройная бездна, сводящая с ума.

Рондо: Сюрприз для любителей фильмов – все сообщения передаются текстом. Никакого видео, никаких картинок, никаких звуков. Ну, не считая звука голоса командора, который сообщение произносит, а я это сообщение печатаю.

Рондо: Сюрприз для лентяев – «смотреть в сферу», т.е. искать что-нибудь похожее на вражеский снаряд или след от другой машины, или другую какую опасность надо глазами и руками. Опять и опять сканируя отдельные участки, переключаться с большой сетки на мелкую, ловя небольшие объекты.

Рондо: Мы, средняки, видим в пределах сферы радиусом от 30 до 2000 единиц. Не астрономических единиц. Это, конечно, было бы круто, но не судьба.

Рондо: Итак. Вот сфера видимости с нами в центре. А те-

перь вечные проблемы: чем дальше от машины, тем менее надёжна информация в сфере. Системы могут неправильно оценить размер, ускорение, температуру и форму объекта.

Рондо: Внутри сферы есть «засветки» – области, которые не удалось просканировать. Или там помехи, или аномалия, или чёрная дыра, или какой-нибудь чужой заслонил сектор собой. Весело, да?

Рондо: Внутри сферы бывают пространственные аномалии – это в сканирование попал чей-то прокол или его наводки, поэтому у вас на экранах и была нарисована какая-то неведомая, я извиняюсь, хуйня.

Рондо: Надёжность можно увеличить – подаём больше энергии на системы, сфера увеличивается. Оборудование имеет свои пределы, но они, слава нашим лабам, с каждым годом только растут.

Рондо: Связь такая же прекрасная и надёжная как сфера. Бывает трёх типов: по прямому лучу, это когда ты знаешь, где другая машина и приблизительно туда отправляешь пакеты; общая, это когда ты отправляешь пакеты вокруг себя куда-то дальше, надеясь, что кто-нибудь их поймает. Оба варианта *чрезвычайно надёжны*. Это был сарказм. Они дерьмо и не гарантируют доставку. И последний способ связи – сеть. Это как бы комбинация первых двух. Когда командор приказывает завязать всех в сеть я начинаю тихо скулить и плакать. Все машины объединяются в единую информационную сеть. Сферы становятся общими, связь как бы надёжней, можно

даже вычислительную нагрузку размазать по всем машинам сети. Но. Между всеми машинами постоянно гоняются информационные потоки, надо отслеживать положения всех машин сети в пространстве, балансировать сеть, гоняя свой поток через другие машины, управлять накоплением данных, сформированных, для машин не на долго покинувших сеть. И это только общие вещи!

Рондо: А теперь, контрольный выстрел. Связисты – самая хреново автоматизированная профессия. Каждый раз я пишу скрипты, которые помогут мне и каждый раз они, извиняюсь, объёбываются из-за всего. Несовместимый класс звезды, слишком много проколов в сфере, алмаз размером с планетоид – какая-нибудь мелочь и всё. Мои *прекрасные* и *надёжные* скрипты делают «ыть» и падают. Поэтому, чаще всего, я просто смотрю в нефильТРованный поток чистой информации. И однажды я точно сойду с ума.

Рондо: Вопросы есть?

Основы стрельбы в трёхмерном пространстве

Ария: ВКС Кэц. «Дождливый вечер». Стрелок Ария.

Ария: Хм.

Ария: Самая халявная профессия, если честно.

Ария: Не забудьте захватить на дежурство что-нибудь посмотреть, почитать и поиграть.

Ария: Мне всё время приходится скучать. Веселье наступает крайне редко и заканчивается крайне быстро.

Ария: Тип веселья зависит от командора. Иногда можно стрелять всем по всему. Иногда – только по отдельным целям. Иногда – только особым типом вооружения.

Ария: Вооружения на машинах не много, обычно мы таскаем на себе следующие игрушки:

Ария: Торпеды. Большая, медленная штука, похожая на торпеду субмарины, только гораздо больше. Имеет ходовой и маневровые двигатели. Немного умная – умеет поворачивать, наводиться, следовать. Попадание означает: всё. Щиты бесполезны. Более-менее легко засечь, легко сбить.

Ария: Ракеты или неуправляемые реактивные снаряды, так же известные, как НУРСы. Как торпеда, но меньше, быстрее и тупее. Попадание означает: всё, лёгкое повреждение или серьёзное повреждение, по ситуации. Щиты компенсируют часть взрыва. Сложнее засечь, нереально сбить.

Ария: Рейлган. Жёстко закреплённая пушка длиной чуть ли не во всю крышу. Стреляет болванкой на почти световой. Надеюсь, однажды, он будет стрелять на световой или быстрее. Болванка летит строго вперёд. Попадание, чаще всего, означает всё. Щиты помогут. Проблематично засечь снаряд, ну... как «увернуться»... здесь вопрос скорее стоит «попадут ли вообще»? Тут нужна строгая прямая линия между стрелком и целью, плюс гравитационные силы всё же воздействуют на болванку и это надо учитывать.

Ария: Фляры. Их всё время собираются списать, но им вечно находится какое-нибудь прикольное применение. Шарик с таймером. Поток сжатого воздуха его выбрасывает куда-то наружу вбок. Срабатывает таймер, шарик взрывается. Мы ими маскируемся – взрыв создаёт кашу на сканерах, за которой машину не видно.

Ария: ЭМИ. Просто пушка, если подойти достаточно близко, можно пожечь электронику. Попадание означает сгоревшую или перезагружающуюся электронику. Вырубает щиты. Невозможно засечь, ну, не считая того, что у тебя под боком вражеская машина. А если у тебя под боком вражеская машина, то это 100%, что она ёбнет ЭМИ.

Ария: Лазеры. Нежно любимы борцами за чистоту космоса, но на деле мы его использовали один раз – пока командор спал, я вырезала мужские гениталии на астероиде. Попадание что-нибудь означает. Гасится щитами, отражается или рассеивается прочным корпусом. Невозможно засечь.

Ария: И какая-нибудь экзотика. С экзотикой всё сложно. Сумрачные гении Аргентума рожают чудовищное не пойми, что. В свободное от безделья время можно читать инструкции, правила применения и удивляться, зачем оно вообще существует. Спиральный детонатор секторов вообще какая-то адовая херня – в одной плоскости создаёт разрастающийся спиральный взрыв. Я вообще не представляю, что с этим можно сделать.

Ария: Ну и «Ультиматум». Или «Мёртвая Рука». Или «Дилдо с шипами». Или «Уравнитель». На каждой машине, начиная со средних есть одна или две неуправляемые торпеды, предназначенные для уничтожения планеты противника. Просто так использовать эти штуки очень хочется, но нельзя. Мы таскаем их с собой на случай гипотетической ситуации, когда обе наши домашние планеты уничтожат. И если такое случается, то мы берём в руки наши страшные штуки и летим мстить! Учитывая, что в Лабораториях Аргентума полёт фантазии одержал победу над здравым смыслом, торпеда может нести в себе все угрозы сразу.

Ария: Повторюсь, большую и страшную штуку нельзя просто так использовать. Я не говорю, что иногда лучше жертвовать собой. Всегда лучше рассекретить одно большую штуку, чем проебать экипаж. Просто это дерьмо предназначено только для уничтожения кислородных планет. Как оно себя поведёт в других условиях – непонятно. И лучше не испытывать.

Ария: У меня всё! На следующей лекции вас будет в шесть раз меньше, вот тогда уж и можно будет развернуться.

Первые шаги по стали

Несмотря на приказ «социализироваться» курсанты вели себя настороженно – пожизненное формирование экипажей сильно напугало будущих астронавтов, каждый боялся сделать ставку на кого-то не того. Из неуверенной в себе толпы ярко выделялись лишь некоторые личности.

Саню все обходили стороной или смотрели с подчёркнутым сочувствием – всем было ясно, что первые экзамены она провалит. Сане же было на это насрать – ей хватало моей компании и занятий, на которых она выкладывалась на 120%.

Я выглядел, как пачка взаимоисключающих параграфов – человек среди кэц, дружит с Саней, имеет хорошие показатели на уроках (вся успеваемость доступна всем). Меня то избегали, то пытались прощупать, то старались как-то подружиться.

К Фору, почему-то (*сам не знаю, да и похуй – прим. Фор*а), лезли все. И всем он рассказывал историю своей жизни. Количество желающих ещё раз слушать, как Фор не нравится ВКС и как мы все умрём, стремительно сокращалось, и в итоге он стал крутиться неподалёку от меня.

Честер втянул в заговор теневого командования ещё пару курсантов: пилота Кубика и инженера Лави. Теперь куча курсантов тупо не слонялась по Академии, а уверенным

шагом шла на занятия под командованием отдельно взятого курсанта. Для полноты картины нам не хватало ещё стрелка и медика (потому что Фор на предложение командовать послал Честера в пизду). Кубик сразу дал понять, что не претендует на место Сани и девушка наконец получила пилота, с которым можно говорить.

Особых конфликтов (даже на расовой почве) не было – чтобы интересы столкнулись, они должны быть. Но в начале обучения делить нечего – никаких личных вещей, кроме браслета и формы, да и эти штуки включены в ротацию и нам не принадлежат; никакого обслуживания формы или хозработ; за получаемыми калориями следят браслеты и отклонения видны медикам на контроле, так, что обед не отжать. Да и кому в голову взбредёт идея отобрать общеевой-сковой стандартный паёк? Ещё будущих астронавтов сдерживали случаи, когда курсант затаивал обиду, а потом на дежурстве намеренно убивал весь экипаж. Плюс ко всему, была такая штука, как групповая ответственность (кэц почему-то очень хорошо её понимают) (*читай нашу историю, начиная с Эпохи Машин, – прим. Деси*) – если кого-то одного отчислят, то во флоте станет на одну среднюю машину меньше. Отчисленный подведёт не только себя, но и других курсантов, ВКС и всю расу в целом.

С общей пассивностью и отсутствием каких-либо чётких целей в свободное время для развлечения оставалось учиться, читать наставления и методички и тупить в отсеках ре-

креации. Чтобы хоть как-то разнообразить свободное время я начал читать уставы и наставления, следя за их эволюцией. Изначально ВКС Кэц создавались, как защита расы от Чужих, чьи следы существования обнаружались на тёмной стороне Маленькой сестрёнки (естественного спутника планеты Кэц). Но со временем задачи у ВКС расширились, а после первой межпланетной войны, в которой штабы полностью состояли из агентов и диверсантов, начались дикие перестановки с целью избавиться от цепочки командования и сделать так, чтобы солдаты могли действовать без штаба.

Это было странное и подвешенное состояние, мы развлекались как могли.

Центр вселенной

Вся группа из 60 курсантов присутствовала на обзорных лекциях (конспекты я привёл выше), где кратко рассказывалось кто и чем занимается. Ещё нас гоняли на общие занятия, где 10 курсантов выполняли профильные упражнения, а остальные 50 тупо смотрели, никуда не понимая. Профильники, как обычно, рассаживались по тренировочным постам, не профильные отвоёвывали себе стулья и места рядом с наиболее интересными профильниками. И начиналось обычное занятие – задачи, упражнения и так далее. Только вот кто-то настырный заглядывает через плечо и дышит прямо в ухо, кто-то, стараясь что-то рассмотреть, пихает под локоть, кто-то задаёт дурацкие вопросы. И все вместе они переговариваются, пытаются понять, что вообще происходит. И не понимают.

(Ненавязчивая стрессовая ситуация. Некоторым курсантам давалась задача: немного мешать профильнику. Плюс, повышение ответственности и уважения к коллегам-астронавтам. Работа и пост каждого важны. Экипаж средней максимально урезан и на одного астронавта ложиться огромный спектр задач. Важно, чтобы навигатор понимал, как важен пилот и что ему тоже сложно (мне не сложно – прим. Сани), ну и так далее. Нужно ценить и уважать коллег. – прим. Рису)

На занятии меня поставили центром вселенной – я работаю, остальные смотрят. Такое случается часто, и я не вижу в этом никаких проблем. Но вот только занятие было общее, а это значит, что вокруг меня торчало 59 курсантов: пилот Саня, пилот Кубик, пилот Лаки, связь Рисе, связь Честер, связь Циклон, медик Фор – на козырных местах, остальные толпились неподалёку. На дисплеях валялась вся необходимая мне информация: ползли сводки, фиксатор рисовал какую-то хуйню, похожую на рельеф гравитационного поля Соль-1, индикаторы молчали, в мутной сфере средняя машина пассивно ползла по пространству. Всё точь-в-точь, как на реальной машине.

Рейвен: Готов?

Лис: Готов.

Рейвен: Шаг!

Рейвен (с наигранной паникой): Где мы?!

Рядовая задача по определению места, куда машина шагнула. Надо проверить, насколько звёзды и излучения отличаются от предыдущей точки, возможно, мы и систему не покидали. Посмотреть на видимые (*технически видимые, не визуально, – прим. Рисе*) планеты-звёзды-астероиды и другой мусор, подёргать маяки, если они есть, глянуть, работает ли гравикомпас... и отвечать на вопросы.

Фор: Чё?

Лис: Шагнули хер куда.

Фор: Это плохо?

Лис: Невероятно хуёво.

Саня: А что делает это...

Лис (бью Саню по рукам): Справочник по звёздам.

Честер: Ты что так быстро переключаешься, я ничего не понимаю.

Вельд: Э, чё творишь-то?

Лис: Набрасываю прокол. Надо уёбывать – тут рядом что-то жирное ракетами недавно шмальнуло.

Рейвен: Опасность! Уёбываем!

Наблюдатели: Ебать!

Рейвен: Шаг! Где мы?

Саня: А вон там что?

Лис: Нагрузка на ЦП.

Честер: Совсем крохотная.

Рейвен: Ресет. Дальний Соль-1 – Кэц.

Циклон опирается на моё плечо и смотрит на дисплеи.

Циклон: Э-э-э, а почему такой неуверенный стрейф и разворот?

Саня подлезает мне под руку, тоже рассматривая манёвры машины.

Рейвен: Время! Дальний Кэц-Зеп.

Саня: Пилот – говно!

Циклон: Ага! Я бы лучше сделал!

Рейвен: Время! Дальний Зеп-Неп.

Саня: Даже инвалид лучше бы сделал!

Рейвен: Время! Пунктир до ближайшего маяка. Время!
Время! Время!

Кубик: Э! А чо так быстро?

Рейвен: Шаг!...

Лис: Срочный пунктир. Делаю на ходу, по отбивке.

Саня: Ух, ты. А ведь мы можем такие клёвые вещи с ним сделать!

Рейвен: Шаг!...

Лис: Ага.

Честер: А ты довольно круто это всё делаешь.

Саня кладёт руку мне на ногу, получает по руке.

Лис: Делал бы круче, если бы не мешали

Рейвен: ...Шаг! ААААА!

Рейвен: Стоп. Лис дошёл и выжил. Отдых пять минут. Потом – разбор полётов.

И вот такой цирк на 3 стандартных часа.

Бунт на машине

Ситуация сложилась крайне дерьмовая.

В дверь опять ударили чем-то тяжёлым. Скорее всего, Хоксом.

– Научись проигрывать, Шрам! – кто-то рассмеялся с той стороны двери. Голос, искажённый противогазом и стальной перегородкой идентифицировать не получилось. Да и не нужно это было.

Разведгруппа во главе с Рисе обосралась буквально на первом столкновении и не смогла ничего сделать. Даже нанести хоть какой-нибудь урон противнику. Зря эту дуру туда поставили. Я бы не поставил.

Группа для тактического удара в тыл под командованием Логана куда-то бесследно проебалась. Страховочная группа сидела в грузовом отсеке и вяло отстреливалась – мятежники их конкретно зажали.

Из-за всего этого дерьма мы столкнулись с превосходящими силами противника, потеряли командира, понесли невосполнимые потери и оказались зажаты в угол.

– Может, сдадимся? – предложила Кинки, проверяющая винтовку.

– Хуй там, – прорычал я.

– Шрам, идея! – Лави обрадовала меня.

– Давай!

– Я встану в дверях с гранатами. Как только они начнут открывать дверь я брошу в щель светошумовую и осколочную.

– И сама ляжешь.

– Зато героически! Я так куплю вам время!

– На что? Отсюда никак не прорваться.

– Ну, тогда, давай взорвём машину! – Лави в голову пришла следующая гениальная мысль.

– Давай! – я моментально согласился, ринулся к постам, но тут же выругался – Блядь, они не работают.

– А ведь хорошая идея была, да? – расстроилась девушка.

– Ага.

– Ну, тогда, я в проход?

– И Фор в ноги положи.

– Сука ты, начальник, – проворчал Фор, но пополз к выходу.

– Ну, что, смертники? – я решил обратиться к личному составу с повышающей мораль речью, – Готовы натворить хуйни и помереть?

Смертники ответили нервным смехом. Лави героически встала у двери отсека, в её ногах, словно кот, улёгся Фор с двумя гранатами и винтовкой. Остальные курсанты распределились за импровизированными укрытиями и стали ждать. У двери было ещё секунд тридцать.

– Идея! – воскликнула Лави, но дверь резко распахнулась и в отсек полетели гранаты.

Я ослеп, оглох и потерял сознание.

Некоторые уроки происходили противоречиво – вначале курсантов без инструктажа бросают в некую ситуацию, а потом внезапно и резко её меняют. Всё заканчивается разбором полётов, где всех раскатывают в ноль, разбирая все ошибки, ища хоть каплю полезности и рациональности среди хаотичных и невнятных действий неготовых курсантов.

В этот раз мою группу просто поставили на плоский макет машины и дали задачу: найти контрабанду. А потом внезапно появился Честер и заявил, что берёт нас на abordаж и потребовал отдать принцессу. В процессе штурма он забыл, что является пиратом и заявил о военном перевороте.

Легат, преподаватель «боевых столкновений» задумчиво грыз ручку-указку.

– Ну... всё говно, что естественно. Взорвать машину была, конечно, хорошая идея. Прорыв Лави был фееричным, но она зря понадеялась, что от группы в грузовом отсеке будет польза. В общем и целом – всё говно. Лис провернул пару трюков, но они лишь продлили агонию. Впрочем, чего ещё я ожидал? Давайте разберём по частям, кто и где мудака. Итак. Время операции 005 минут...

Не включать, блядь!

– Эта ситуация тебе не кажется романтической?

– Лави, ты ебанулась?

Мы уже второй час ползали по трубам рециркуляции и очистки воды в поисках засоров. Нас целый день ебали на занятиях и физо, а под конец трёх случайных курсантов отправили на дополнительные работы. Потому, что это ВКС и все проблемы решаются первым попавшимся под руку предметом. Иногда печально оказаться этим самым предметом.

В трубах было тесно, скользко, липко и дико воняло. Нам ещё было рано надевать боевые костюмы, поэтому мы позли в полевой форме. Измазались грязью, слизью и отработкой по самые уши. Хорошо, что в академии есть стиральные машины.

– Мы совсем одни в уютной полутьме, никто нас не слышит, никто не видит. Я сейчас тебе подмигнула.

– Я вижу только твою задницу. Зачем ты ей виляешь?

– Акт заигрывания!

– Это всё очень круто и эротично, но меня сегодня так выебали, что я уже не могу адекватно что-либо воспринимать. Двигайся, масса разврата.

Я пихнул Лави ремонтным набором в задницу, девушка рассмеялась. Эхо искорёжило смех и превратило его в жут-

кие завывания. Внезапно завывания не прекратились и переросли в шум наступающей воды.

– Блядь!

Я успел только выругаться и потоки неочищенной воды смыли меня вместе с Лави.

Полностью покрытые дерьмом мы ворвались в отсек управления подачей воды. У пульта стоял гражданский специалист и что-то набирал на планшете. Табличка «Не включать! Работают кэц!» была отодвинута в сторону.

– КТО БЛЯ?! – проорал я, замахиваясь разводным ключом.

Специалист побелел и рванул к другому выходу.

– СТОЯТЬ, СУКА!

Я рванул на перерез, поскользнулся на дерьме, стекавшим с меня и ёбнулся на пульт. Астронавт, который обязан был дежурить за пультом и отгонять дебилов появился в дверях, куда гражданский только собирался отступить.

– ЗАДЕРЖАТЬ!

Рамшель всё поняла сразу и через секунду мы уже изби-вали жалобно воющего гражданского.

Перенос трупов

– На первый-второй рассчитайсь!

– Первый! Второй! Первый! Второй!...

– Двойки, шаг из строя! Двойки, шаг вправо!

Передо мной оказалась Рисе. Несмотря на скромное телосложение и общее ощущение хрупкости, девушка была потной, но не уставшей. Ходили вялые шутки, что Рисе – это биоробот, не знающий боли, усталости и милосердия. А я был совершенно человеческий: взмыленный, убитый, медленно умирающий и совершенно не готовый к дерьму, которое взбрело в голову Чаю.

– Двойки! Вспышка сзади!

Рисе нырнула в палубу и закрыла голову руками.

– Единицы! Ваш товарищ героически погиб, как мудака.

Но хоть он и был мудаком, вам надо доставить его героический труп домой! Взять труп! Бегом! Бегом! Бегом!

Блядь.

Я подхватил Рисе с палубы и побежал вперёд под крики Чаю.

– Лис! Это, блядь, не принцесса! Это труп! Перекинул через плечо! Инь! Не можешь поднять? Хватай за ноги и тащи! Логан, прекращай трогать Кубика за задницу! Чё так медленно? Быстрее! Быстрее! Быстрее!

Справа от меня внезапно разыгрывался эпизод военной

драмы с Рамшель и Лави в главных ролях. Покрасневшая от натуги Лави, с трудом бежала на неуверенных ногах. Рамшель же выёбывалась:

– Я не дошёл немного командир... мне тут наковыряли... пару дыр... и я... я не чувствую ног...

– Потому, что у тебя их нет! – подхватил идею «труп» Криса.

– Брось меня... командир. Я их задержу!...

– Трупы, молчать! Саня, прекратить драку! – Чай развлекался во всю.

– Он меня трогает! – взвизгнула Саня и первый курсант упал на палубу вместе с «трупом».

У этого упражнения была достаточно простая цель – чтобы мы заебались, и чтобы Чаю было весело.

Обе цели были с блеском достигнуты.

Лисонька мокренькая

Я проснулся от неприятного чувства потери. Чего-то не хватало. Чего-то очень важного и привычного.

Тишина.

Вентиляция не работает.

Я вскочил с койки, ударился лбом о шкафчик и раскрыл браслет. «Потеряно соединение с базовой станцией»? Отлично, придётся идти на разведку ногами. В коридоре меня встретили тьма и тишина. То есть, полная тьма – нихуя не видно. Хорошо браслет работает и паршивый дисплей в развёрнутом состоянии даёт хоть какое-то освещение.

Надо что-то сделать. Например, отправиться к куратору или в ближайшую дежурку.

Дверь соседнего кубрика открылась и в небольшом огрызке света появилась Рисе.

– Что происходит? – стуча зубами и нервно осматриваясь спросила связист, – Где с-связь? Г-где в-воздух?

– Хуй его знает, – я пожал плечами, – Думаю, нам...

И тут заорала двухтоналка, отбивая «опасность для жизни» и «нарушение целостности прочного корпуса».

Рисе слегка приоткрыла рот и безвольным мешком рухнула на пол.

В конце коридора что-то ухнуло и громко зашумело. Зашумело так, слово там прорвало трубу. Из кубриков во тьму

выбегали, спотыкались и падали курсанты. Намечалась лёгкая паника. Я поднял Рисе с пола, чтоб не затоптали и закричал на пределе своих связок:

– Так! Кошки драные! Внимание! Включили браслеты! Это фонарик!

Стало посветлей и поспокойней. Под ногами хлюпала вода.

– Честер!

– Да! – послышалось из одного конца коридора.

– Возьми пару и проверь свой конец!

Послышались смешки.

– Можно я возьму девушку в пару?

– Пошёл на хуй! Кубик! Кубик! КУБИК, БЛЯДЬ!

– Чё-ё-ё?

– ПРОВЕРЬ СВОЙ КОНЕЦ КОРИДОРА! ДОКЛАД СЮДА!

– Чё-ё-ё?

– Кошки драные, передайте этому мудаку приказ!

Кошки драные зашумели.

– Я-я-я всё-ё-ё поо-нял.

Я посмотрел на стягивающихся ко мне курсантов:

– Так, кошки драные. Делаем стоп и передаём друг другу по цепочке: посмотреть есть ли рядом соседи, есть ли раненые, далеко от своего кубрика не отходить.

– А что происходит? – спросила Лави.

– А я ебу?

– А чего у тебя Рисе на руках?

– А чего она без сознания? Ме-е-е-едик.

– Вот, – Кинки сунула мне под нос что-то вонючее, потом под нос Рисе. Связь громко чихнула и заплевала мне всё лицо.

Холодной воды было уже по щиколотку. И мне показалось, что дышать стало труднее?

Вернулись разведчики.

– Моя дверь заблокирована, – доложил Честер.

– Моя тоже и с потолка только так хуячит вода, – доложил Кубик, – я напряг рядом стоящих, вдруг получится починить. Но что-то это как-то сомнительно. Вот.

– Отлично, – я кивнул и тут же поправился, – То есть пиздец. Окей. Мысли есть? Мыслей нет. Отлично. То есть пиздец. Не суть.

Я задумался и осмотрелся. Внезапная вспышка озарения соединила всю информацию в простой и чёткий план.

– Так! Назначаю героев. Лави, Кинки и Ме-е-е-е-едик

– Что? – подошёл Фор.

– Кинки и Фор, мы ваши инструменты испортим. Рисе и... отлично, Саня ты тоже. Пойдём к трубе. Честер – попробуй выломать дверь своего конца. Кубик, поддерживай дисциплину и связь по цепочке. Ясно? Ясно. Побежали.

Вокруг мощного столба воды, рвущейся с потолка, без толку суетились промокшие курсанты.

– Так, кошки драные! Э... – я направил дисплей на од-

ного из курсантов, – Дымок. Лави, забираешься на Дымка. Логан, подними меня тоже. Остальные, направили свои дисплеи на потолок. Там же нихуя не видно.

Зацепившись руками за поручень в потолке, мы осмотрели основание столба воды. За перфорированными панелями располагалась труба откуда и лился поток. Лави пришла к тем же выводам, что и я. Даже быстрее. Она схватилась за поручень, подтянулась, ударила ногами в потолок, мокрыми руками не удержалась и рухнула на палубу вместе с панелями.

На трубе был просто открыт автоматический клапан. Значит, это всего лишь проверка от начальства, а не авария. Я совсем успокоился. Тут меня подёргали за штанину.

– Лис, Честер сломал дверь. Можно уходить.

– Всем, кроме героев – эвакуация. Лави, дай мне сюда Рисе.

Связист моментально взлетела вверх и ударилась головой об потолок. Я схватил девушку за что пришлось и подтянул к себе. Внизу легко и элегантно двигалась Лави, подстраиваясь под верхние манёвры.

– Видишь? – я указал на открытый клапан.

– Ээээ, – ответила связист, за что получила подзатыльник, – Да!

– Чини!

– Что?

– Клапан. Закреть.

– Инструменты...

– Скальпель!... Щипцы!... Шприц! Не, пистолет. Ещё скальпель, этому пизда.

Рисе раскурочила клапан, обнаружила коробку управления, раскурочила и её, перерезала провода, что-то соединила и столб воды начал уменьшаться.

– Всё! – скомандовал я и уставший Логан просто бросил меня в воду, которой было уже по пояс.

Лави выдернула меня из-под воды, широко улыбнулась и так хлопнула по плечу, что я опять рухнул на палубу.

– Отлично сработано, морда со шрамом. Пойдём искать ответственного за эту хуйню!

Куратор Ио массировал виски и исподлобья смотрел на 60 мокрых, злых, замёрзших курсантов, вокруг которых расплзались лужи.

– Да. Это был тест. Молчать, блядь! И не надо орать, что вы на такое не подписывались. Ещё как подписывались! Это тест. Вам ещё и не через такую хуйню предстоит пройти! Мы должны знать, как вы поведёте себя в экстремальной ситуации. Вы должны научиться не поддаваться панике! Вы должны правильно действовать, когда случается непонятная хуйня! Вот придут странные и непостижимые чужие и что дальше? А? Будем сидеть и ждать, пока мудрый штаб что-нибудь придумает? А вот хуй вам! В штабе сидят розовые мудаки!

Или вообще вы уже будете сидеть. Вот этот тест должен был вам показать, насколько опасна паника. Но нашёлся мудила, который всю панику свёл на нет. Ладно, вот вам запись теста другой группы.

Куратор включил большой дисплей за своей спиной. На записи по коридору в ужасе метались курсанты. Кого-то уронили, по кому-то прошлись, кто-то плакал, сидя на полу, кто-то заперся в своём кубрике и делал вид, что ничего не происходит.

– Вы бы тоже так себя вели, если бы у вас не было Лиса. И Честера с Кубиком. Что, блядь, за роптания?! Думаете вы теперь самые умные и учитесь на чужих успехах? Да вас тут за ручку провели! Даже думать не надо было! Думаете, что в следующий раз всё сложится точно так же? Да если я уберу вожakov вы или передерётесь за место командора или наложите в штаны, боясь ответственности!

Куратор почесал себя за ухом, взъерошил седые волосы и вздохнул:

– Лисонька мокренькая, ты бы хоть одну ошибку допустил, мудила, чтоб было за что ругать и показать, что командование – это ответственность. Ёбаный рот этой группы. Все в душ, на смену одежды и физо! Пошли-пошли-пошли!

Я, Честер и Кубик сидели в аудитории и смотрели на большой дисплей. Наша группа, лишённая нас, подвергалась очередной внештатке. Курсанты с натянутыми на лицо мокры-

ми трусами отважно справлялись с утечкой «ядовитых» веществ.

Я, Честер, Кубик, Рамшель и Вульф сидели в аудитории и смотрели на большой дисплей. Наша группа, лишённая нас, подвергалась очередной внештатке. Саня кричала и билась Ресе по жопе, Ресе хныкала, но ломала клапан трубы водопровода. Курсанты успешно боролись с пожаром.

Оперативные решения на отрезках

Все медики-курсанты имеют доступ к медотсекам. Потому что им приходится лечить других курсантов. Прекрасная экономия средств, совмещённая с подготовкой. Как раз в духе ВКС.

Под конец дня Фору взгрустнулось, а я просто устал. Поэтому мы вместе сидели в медотсеке, пили разбавленный спирт, закусывая просроченными витаминными комплектами.

– А чему вообще медиков учат в академии? – спросил я чтобы держать хоть какой-то диалог, а не напиваться в суровом молчании.

– Херне всякой, – Фор меланхолично пожал плечами, – операции в нестабильной гравитации, сборка-разборка живых существ, быстрая диагностика «на глаз». Я это даже медициной не могу назвать. Приблизительно угадать болезнь, быстро заштопать тело, быстро подлатать, сделать так, чтобы тело умирало не сейчас, а пару часов.

– А про *чужих* говорят что-нибудь?

– Дались вам эти *чужие*. Ну появятся они: злые и страшные пожиратели планет. Мы возьмём в правую руку ВКС Кэц, в левую руку ВКС Альянса и будем хуячить ими куда придётся. Во вселенной прибавиться необитаемых планет, у кого-то появятся медали «За геноцид», кого-то назо-

вут Комгеном – командором геноцида. И всё закончится.

– А вирусы? Паразиты? Болезни?

– Я тебя умоляю. Если какая-нибудь хуйня засунет в тебя свой хуй и подключится к мозгу, я её демонтирую с помощью ножа и двух батареек даже в жопу пьяным. После этой операции ты станешь даже умнее – подашь в отставку по инвалидности. Будешь жить на берегу моря, есть свежие персики, наслаждаться жизнью и чесать героические шрамы.

– Персики?

– Персики. Я люблю персики.

– То есть, ты без особых проблем сможешь определить вмешательство или заражение и подручными средствами починить меня?

– Не «без особых проблем», а «легко». Я стандартную биологию настолько хорошо знаю, что она уже успела остопиздить. Рой микромашин, живущей в твой крови обнаружит и убьёт большую часть паразитов, бактерий, грибков и прочей хуйни. С чем-то более сложным или более простым придётся повозиться, но это не такая уж и проблема. А вообще, знаешь, было бы неплохо, если бы чужие появились – новая биологическая форма. Всё такое свежее и интересное. Шикарный простор для медика, которому когда-то нравилась своя профессия. Хе...

В отсек внезапно влетел курсант (*это была я! Я тебя опять выручила, а ты меня даже не запомнил, ну, что мне с тобой делать?* – прим. Деси) и закричал:

– Куратор!

И тут же покинул отсек. Фор меланхолично, прямым, коротким ударом разбил мне нос, убрал разбавленный спирт в ящик, достал концентрированный, вылил мне на лицо и начал чинить то, что сломал.

– Так! Что... – куратор в миг с недовольного режима переключился на взволнованный, – что с мордой, курсант Лис?

– Ящик в кубрике, – прогнусавил я.

Куратор с пониманием кивнул, бегло осмотрел отсек и, не заметив ничего подозрительного, удалился.

– Здесь камеры не работают, что ли? – я слишком поздно вспомнил о камерах наблюдения.

– Сгорели, – меланхолично ответил Фор, засовывая мне в нос тампон.

Приступ клаустрофобии

«В моменты, когда через стенное отверстие, оборудованное пропускным шлюзовым устройством, не производится проследование личного состава или пронос оборудования, дверь должна находиться в состоянии закрытости и заблокированности» – точная и прекрасная цитата из общих положений правил поведения в Академии.

С дверью в Х45-Х45 вечно что-то случалось. Как и все двери она была толстой, тяжёлой и стояла на полозьях. Но её постоянно заклинивало в каком-то определённом положении. Мы уже дважды оказывались заперты в отсеке рекреации без какой-либо надежды на спасение. Да, можно было бы поспать и там, но это бы лишь отсрочило неизбежный штурм двери – преподавателям было плевать по каким это причинам ты явился с опозданием или не явился вообще. В последний раз положение спасла Рисе (*инициатива!* – прим. *Rise*) – она пролезла по вентиляции, вышла с той стороны, откинула дверной стопор и выпустила нас. И дверь заклинило в положении «открыто». Такой она и оставалась всё время нашего обучения.

Наши кубрики располагались недалеко от отсека Х45-Х45, так же известного, как «Зона рекреации 45». Поэтому, курсанты, которые не собирались всё свободное время спать, стягивались именно туда. Отсек мог предложить

широкий рекреационный набор из устаревшего мусора: настольный теннис, *бумажные* книги, игральные столы и физические наборы: игральные карты (изношенные и краплённые), маджонга (части тайлов нет), плоских шахмат (части фигур нет) и плоских шашек (все шашки были крышечками от бутылок), игровые приставки и аркадные автоматы (обычно, за одним из них сидела Саня, гоняя реалистичный симулятор космического боя, который по сути являлся программой для тренировки пилотов), бильярд и другие весёлые штуки, изношенные поколениями курсантов. А ещё там был аквариум с мёртвыми рыбами. По слухам, раньше в нём жили настоящие рыбы, за которыми никто не следил. Рыбы от такого обращения, естественно, сдохли и их заменили механическими. Они тоже сдохли. Смешно, но сверхтехнологичные войска, в сверхтехнологичном комплексе имели вот такое дерьмо для отдыха.

Я валялся на кушетке и куче подушек, собранных по всему отсеку, время от времени рыча на кого-нибудь особо наглого, решившего, что от одной подушки я не обеднею. Особого геройства для обороны не требовалось – группа решила побыть коллективом и дать мне расслабиться. Ведь мне опять досталось на физио: вначале на спарринге Хокс выбил из меня всё дерьмо, потом на марш-броске я чуть не захлебнулся гелем, но Рисе успела меня вытащить за ремень. Удивительно сильная девочка. За такое геройство Рисе получила похвалу, а я – повтор марш-броска, но с утяжелением.

Я вяло наблюдал за странной игрой в какие-то странные шахматы между Рисе, Честером и Циклоном. Фигур не хватало, поэтому недостающие заменили тайлами маджонга и шашками. Ещё в этой игре каким-то образом участвовали игральные карты. С каждым ходом суть происходящего становилась всё более и более загадочной. Циклон перевернул свой тайл с двумя кругами, в ответ Честер поставил на него шашку, Рисе заявила: «Инициатива!», открыла свои карты: четыре двойки треф, вернула на доску чёрного короля и убрала чей-то тайл с палками с доски. Происходила какая-то дичь.

Из коридора донёсся окрик, потом ругань, словно кто-то кого-то отчитывал. За руганью последовал глухой звук тела, уроненного на палубу, и ещё более громкая ругань. Действие в коридоре показалось мне интересней наблюдаемой игры, и я пошёл проверять.

(Я столько сил вложила в создание правил и адаптации их под недостающий инвентарь. Я тонко спланировала всю интригу. И Лис ушёл в момент моего полного и безоговорочного триумфа. Всё коту под хвост, – прим. Рисе).

(Я тебя так понимаю, – прим. Деси).

(Вот дуры. К Лису надо было просто подходить и хватать за задницу! – прим. Сани).

На палубе в коридоре лежал кэц в светло-сером мундире. Судя по значкам на погоне это был, предположительно, достаточно высокий кэц. Звания, цепочку командования,

субординацию и другие невероятно полезные вещи нам ещё не преподавали, поэтому я понятия не имел, кому Хокс сейчас заламывает руки за спину.

Серый мундир заметил меня и начал орать ещё сильнее.

– Хокс, что происходит?

– А, Шрам, это ты, – Хокс скорчил жалобную мину, – Он на меня наорал, а потом попытался ударить. И я... вот.

Хокс выделялся из стройных рядов курсантов – рост по верхней границе допустимой ростовой вилки, квадратный подбородок, разорванное ухо. Общая мощность и мускулистость вкупе с отсутствием следа серьёзных мыслей на лице и раскосые статичные глаза, создавали впечатление космодесантника, случайно попавшего в ВКС.

Сложившаяся ситуация требовала хоть каких-нибудь действий – если не вмешаться, Хокс бы продолжил держать мундир на палубе до начала зарядки, серьёзно обдумывая ситуацию и выбирая наиболее правильный вариант следующих действий. Нет, Хокс совсем не тупой, просто иногда его клинит и он теряется во всеобщем многообразии развития событий. А ещё он забывает, что задачи можно и нужно делегировать.

Я вернулся в рекреационную, с грустью обнаружил, что мои подушки уже растащили (*я буду просто тихо грустить, что на меня внимания тогда не обратили, – прим. Рису*), и крикнул:

– Ме-е-е-е-едик!

– Ну шо такое, начальник? – первым отозвался Фор.

– За мной.

Фор тяжело вздохнул и шаркая ногами вышел в коридор, где Хокс всё ещё держал извивающегося кэц.

– Вот, – я указал пальцем на сцену.

Медик, ни говоря ни слова, снял с пояса аптечку, достал из неё капсулу, повесил аптечку обратно на пояс, достал шприц-пистолет, зарядил его, приставил пистолет к шее серого мундира и нажал на спусковой крючок.

Через 6 стандартных секунд мундир прекратил кричать и дёргаться.

– Хокс, отнеси тело в медотсек, – я моментально раскомандовался, – Фор сходи с ним и восполни запасы того, чем его уколол.

– А ты? – спросил Хокс, с лёгкостью закидывая мундир на плечо.

– Журнал происшествий заполню.

– Справедливо, – Фор кивнул, – приступ клаустрофобии пишется, так: «кла-ус-тро-фо-би-и».

На зарядке я опять стоял перед строем, но в этот раз стоял к нему спиной. Вместе с Фором и Хоксом. И все мы стояли перед стеной, на которую Чай вывел запись инцидента в коридоре. С отличного ракурса, в прекрасном качестве, с высоким FPS и хорошим звуком. Инструктор по физо светился от радости и переполнявшей его гордости, раз за разом сма-

куя и комментируя каждый кадр.

– И вот, опять. Посмотрите, как курсант Хокс уходит от удара! Внимание на левую ногу! Очень техничный перенос веса, за которым следует правильно поставленный удар!

Чай хищно оскалился:

– И завершает эту красоту превосходный захват. Хокс показал нам отличные рефлексy. Но вот работу мозга не смог. Его внешним мозгом послужила Морда со Шрамом. Лис, что ты сделал после того, как отдал приказы Фору и Хоксу?

– Заполнил журнал инцидентов и лёг обратно на диван в отсеке рекреации!

– Вот оно! Вот оно! Во взгляде – железо! В осанке – сталь! И нервы из титана! Вот так говно превращается в астронавта! Среагировать! Оценить! Решить подручными средствами!

Чай довольно улыбнулся, словно котяра, незаконно сожравший миску фарша.

– Вообще, это достаточно серьёзный залёт. Я просто обязан, да и от меня требуется, вас нещадно выебать. Вначале непосредственных участников, а потом и всю группу. Так, за компанию, и чтобы не забывали. Но я приложу небольшой твист.

Чай моментально посерьёзnel:

– Для этого вопроса ещё не пришло время, но я всё равно его задам. Группа! Кто готов разделить наказание с провинившимися – шаг из строя!

За спиной топнуло.

– Залётчики, кругом! Лис, запомни покинувшие строй рожки. Ещё пригодится.

Удивительно, но большая часть курсантов просто и без задней мысли покинула строй. Все заговорщики, все стрелки, все навигаторы... И Рисе улыбающаяся так, словно сама хотела приложить серый мундир лицом об стальную палубу (*Ещё бы я не хотела, – прим. Рисе*).

– Вернуться в строй! Залётчики и все, покинувшие строй получают по бутылке пива на ужин. И мне плевать на то, что вам не положено.

Чай развернулся, опять посмотрел на стену и рассмеялся:
– Ну что, пидарюга из контрразведки? Получил? Ха-ха-ха!

Неоднозначные переговоры

В душевой отсек можно зайти в любое время. Вода не лимитирована, время пребывания не лимитировано. Бросаяшь форму в одну стиральную машину, ботинки в другую, берёшь одноразовое мыло, гель для эпиляции (опасная вещь, Циклон без бровей и с жуткими проплешинами долго веселил всю группу) и идёшь к любой свободной кабинке.

Ковыряясь с атласами гравитационных полей в своём кубрике, я почувствовал, что было бы неплохо освежиться перед сном. До отбоя времени было с запасом, поэтому было принято решение наведаться в душевые. Потому, что почему бы и нет.

В пустых душевых я, напевая неофициальный гимн ВКС Альянса, спокойно разделся и пошёл мыться. В тепличных условиях академии я размяк (в психологическом плане, в физическом я стал куда лучше), перестал нервничать и осторожничать – ничего серьёзного тут не происходило, мелочных проступки легко сходили с рук и вообще: не жизнь, а курорт. (*«Размяк»? За [удалено] дней? Не смешите меня, – прим. Деси*) (*Курорт? Командир, я, конечно, понимаю, что для тебя всё это было прогулкой, но не настолько же, – прим. Хокса*) (*Не выёбывайся, начальник, – прим. Фора*) (*Сверхчеловек-со-шрамом! – прим. Сани*)

Поэтому, когда в душевой на моё плечо ВНЕЗАПНО лег-

ла чья-то рука я поступил, не как положено, а как пришлось: испуганно взвизгнул, рухнул на пол, провёл подсечку, скользнул в сторону и вскочил, готовый защищать свою задницу от посягательств. *(И после оправданий о том, что «размяк», он нам рассказывает, что поступил, практически, максимально правильно и технично, – прим. Деси) (Выёбывается – прим. Фора).*

На расстоянии удара, в защитной стойке, стояла полностью голая Рисе с невероятно серьёзным выражением лица.

– У нас мало времени, – не двигая губами прошептала Рисе, – решим всё быстро.

В голове промелькнуло несколько сотен вариантов развития событий. Я решил, что если дело зайдёт слишком далеко, то я просто убегу и спрячусь в кубрике. Рисе всё ещё плохо ориентировалась в коридорах и переходах, так, что у меня было преимущество.

– Возьми меня. В свой экипаж.

И это было внезапно. Мозг конкретно заклинило и из головы вымыло все мысли. Внезапное предложение, во внезапном месте и внезапное время. Так мы и стояли: два голых курсанта противоположного пола под одним душем. Наконец-то, спустя вечность *(три стандартные секунды – прим. Рисе)*, я смог собраться с мыслями и ответить:

– Что?

– Ты взял Саню. Возьми и меня.

– Зачем?

Рисе подалась вперёд и быстро зашептала:

– Во внештатной ситуации я теряюсь. В *реальной* боевой ситуации я **запаниковала** и меня списали. ВКС – мой последний шанс жить. В ситуации куда меньше драматизма, чем у Сани, но он есть. Ты помогаешь Сане, помоги и мне.

Я понятия не имел, что как-то и чем-то помогаю Сане, но решил, что можно и Рисе дать надежду. Всё равно тогда ещё было не ясно, получу ли я красную нашивку, и кто переживёт экзамены.

(После он схватил меня за грудь, сказал, что согласен, рассмеялся и ушёл. Я осталась стоять, осознавая ситуацию и пытаюсь понять, что мне следовало сделать – прим. Рисе).

Как я был героем фильма

На утреннем физизо вместе с Чаем стоял куратор Ио. У меня появились плохие предчувствия, и я сразу же поделился ими с курсантами. Особых проёбов вспомнить не получилось, поэтому мы решили, что чужие вошли в систему Кэц и нас срочно отправят в бой, затыкать возникающие дырки в обороне.

– Сегодня нам нужны красивые и умные курсанты, – Чай кисло скривился, – но, к сожалению, вы здесь все уроды. А умных я пересчитаю по пальцам.

Я тоже скривился, понимая, к чему это сейчас приведёт.

– Умными и красивыми назначаются: Лис, Саня, Рисе, Хокс, Честер, Инь, Кубик, Циклон, Сюзи, Вульф, Кинки. Шаг из строя.

Куратор осмотрел «умных и красивых», пожал плечами и объявил:

– Вооружённые силы сегодня будут снимать рекламную агитку для ВКС. Отобранные будут участвовать в этом ёбаном цирке. Остальные – свободное время на 50 стандартных часов.

«Тупые и страшные» радостно потопали обратно к кубрикам и отсекам рекреации, ловить внезапно свалившуюся халяву.

– Киногруппа ещё на подлётах, поэтому у вас есть время

устранить некоторые дефекты и привести себя в порядок, – сказал Чай и бросил мне пакет, – Выполнять!

В пакете лежали: ободок с кошачьими ушками, ошмётки парика, полимерный клей и упаковка контактных линз.

Ободок с кошачьими ушками держался плохо, поэтому Кинки вылила на меня весь флакон клея. Клей застывал плохо, искусственные волосы отваливались от малейшего движения, поэтому я изображал предмет интерьера, и наблюдал за тем, как курсанты ловят Саню, пытаются зафиксировать её на полу, вызывают подмогу в лице Хокса и Лави, фиксируют вырывающегося пилота и засовывают в её глаза линзы, имитирующие круги фокусировки. Наверное, Саня бы меня послушалась (*естественно, – прим. Сани*), но я не хотел лишать себя маленькой мести.

Известный режиссёр с командой прибыли как раз к моменту полного застывания клея. Лави как раз заканчивала расчёсывать мне волосы.

– Ох! – Режиссёр, с огромным синяком на половину лица, подскочил к нам и начал внимательно всех рассматривать и тыкать пальцем, – Вот это типажи! Вот это персонажи! Шрам! Отличный шрам! Пойдёшь на ведущую роль. Стоп. Почему у тебя две пары ушей? Ладно, замажем на постпродакшене. Ох! Рыжая мордашка! Запишите, что волосы надо ярче сделать. Ох! Шкаф! Даже два шкафа! Будут задним

планом. Запишите, их на сцены-4,5,12, как вторую роль...

Снимали пробежку. Просто пробежать строем и не наступить на камеры с операторами. Режиссёр нас задрочил так, как не удавалось Чаю. Один и тот же отрезок. Раз за разом. Изменить выражение лица, более волевое, более уставшее, более серьёзное, не моргать, моргать, двигаться синхронно, бежать в ногу, не дышать. Пот бликует, переделяваем. Слишком мало пота, переделяваем. Недостаточно мужественно. Слишком много жестокости во взгляде. Не сжимать зубы.

И этот мудака радовался, как пёс, что мы просто берём и выполняем приказы. Не жалуемся, не ноём, не просим передышки.

– А теперь нужно добавить экшена! На полосу препятствий! В этой сцене Большая перебросит Шрама через стенку, Шрам должен героически приземлиться на одно колено, ухмыльнуться и рвануть с места!

С той стены положено соскальзывать, но откуда Режиссёру об этом знать?

– Перебирая руками по перекладинам двигаетесь с интервалом в 56 сантиметров в порядке: Рыжая, Маленькая, Серая, Синяя, Злая, Большая! Слегка раскачивайтесь из стороны в сторону! Хорошо, хорошо... стоп. Заново!

По тем перекладинам надо бегать.

– В шахматном порядке бегите по сетке. Шрам оступает-

ся, Большая его ловит и продолжает бежать.

«Сетка» – это обычная сетка с ячейками, натянутая в полуметре над землёй. Курсанты бегут по ней, наступая на узлы. Если там оступиться, то происходит полный пиздец для всех – падаешь и моментально запутываешься. Сетка резко дёргается, другие курсанты сбиваются и тоже падают. Хорошо, что мы эту хуйню смогли снять с первого дубля.

– Стоп! Отдых, – скомандовал Чай и поманил к себе Режиссёра.

– Да-да?

– Вы немного увлеклись и загоняли *моих* курсантов, – Чай даже не пытался скрыть своего раздражения.

– Ой, извиняюсь, простите, – моментально спохватился Режиссёр, – Пусть отдохнут, да.

– А ещё, – в голосе Чае появилась сталь, – обращайтесь к ним по и-ме-нам. Ясно?

– Т-так тт-очно!

Уже не напрягаясь, мы отсняли сцены рукопашного боя и отправились в душ. В душе нас не снимали. Зато снимали в столовой, где приходилось изображать увлечённые диалоги, шутить и смеяться. Этот цирк сильно скрасило то, что академия поставила нам внеплановый «праздничный» обед, а подпортило то, что завтрак мы пропустили.

В аудиторном отсеке снимали «обучение» – курсанты с умным видом нажимали случайные кнопки в системе навигации, а Рейвен расхаживала перед доской с картой системы

и, активно жестикулируя, рассказывала, как она, когда ещё была курсантом, ходила в самоволки на космической станции.

Финалом этого дурдома стала сцена в имитаторе средней боевой машины. Экипаж без медика, без инженера, зато с двумя пилотами и двумя навигаторам, не надев боевые костюмы, важно делал вид, что усердно работает, а я **стоя** (стоя, блядь!) хмурил брови, выкидывал руку и командовал: «вперёд!».

Видеоролик на 6 стандартных минут должен всё ещё лежать где-то на сайте ВКС Кэц. Он, конечно, смотрится круто, впечатляюще, так и зазывает бросить всё вступить в стройные ряды ВКС. Только специалист на эту хуйню без слёз смотреть не сможет, такой пиздец получился.

Зачем нужны ВКС

Этот вопрос не поднимается на лекциях, он не записан в правилах и положениях. Ответ на него плавно вытекает из всего курса обучения, но для удобства я открою тут шорткат.

Гражданские любят поднимать вопросы типа: «зачем ВКС столько денег?» и «зачем нам столько боевых машин?», но не «зачем нужны ВКС?». А если такой вопрос и поднимается, то все почему-то приходят к одному идиотскому ответу: «если придут *чужие*, тогда ВКС нас защитит», из которого следует безумный вывод: «но, раз *чужие* не пришли, то *наше* ВКС можно расформировать». Подразумевая, что общая угроза заставит всех сплотиться и единым фронтом выступить против общего врага.

Так вот, пацифисты. Есть один маленький нюанс: в пакете «Рипер» (зашифрованный набор приказов, который можно вскрыть только в случае нападения чужих) лежат чёткие указания: «домой». У Кэц это: Кэц, Зеп или Веп. У Альянса это: Соль и ещё какие-то планеты. Все союзы и договора начинают работать потом, когда ситуация станет ясна. И я не гарантирую, что к тому моменту ваша планета будет обитаема. ВКС в том виде, в котором они существуют сейчас, создавались именно для защиты домашних планет от чужих. На Луне (Соль-1, Земля, естественный спутник) и на Маленькой

сестрѐнке (Кэц, Кэц, естественный спутник) есть древние наблюдательные станции каких-то существ. Что кэц, что люди, были созданы теми существами, только вот нет больше этих создателей. Наверное, их кто-то уничтожил. Так думали те, кто создавали ВКС и писали первый вариант устава и секретного пакета «Рипер». Но с тех пор прошло уже достаточно много времени, и мы так никого и не встретили (*не считая досадного недоразумения в системе Альтарис, когда Лаборатории Аргентума в процессе исследований случайно уничтожили разумный океан, заполнивший планету и пары потенциально разумных рас, которые уже не станут разумными, – прим. Деси*) (*Таких недоразумений больше сотни. Плюс, существуют разумные или достаточно разумные расы в системах-заповедниках. Что с ними делать – непонятно, – прим. Фора*). Впрочем, пространство оно большое... да вы и сами знаете, насколько. (*Спойлеры! – прим. Сани*)

Пакет «Рипер» это всё ещё фантастично и маловероятно, поэтому, скорее всего, может случиться война (или «война») между тем, что сейчас есть. И тут мы выходим в пространство парадоксов.

Десять средних машин не смогут защитить систему, но смогут её заблокировать – отрезать обитаемую планету от поставок с других миров и оставить без межпланетной связи. Можно двинуться дальше и расстрелять орбитальные спутники, оставив планету ещё и без планетарной связи. За 5—10 стандартных дней планета может оказаться в полней-

шей изоляции.

И это катастрофа. Может когда-то и можно было жить без поставок с других планет и станций, но уже не сейчас. Земля и Кэц *очень тяжело* перенесут блокаду, но перенесут. Это, как никак, колыбели наших рас. А вот для молодых колоний блокада станет трагедией.

Сейчас никто не строит вредные и опасные заводы для производства, например, чёрных трубок (зачем, когда Альянс отгрохал огромный комплекс на Эдеме и продаёт их за десятки), никто не синтезирует хидамариум-6 (у производств на Зеп вечный избыток). Даже ради оборонки – обанкротишься, хотя раньше закروют за неликвидность.

Но без чёрных трубок начнут выходить из строя реакторы и сотни городов останутся без электричества. Без хидамариума накроется пиздой сельское хозяйство.

Всё. На этом моменте можно откатываться в каменный век.

И это только два товара.

Десятке машин начать блокаду ничего не стоит: надо просто заявить об этом, припугнуть пару торговцев, раздолбать ретрансляторы, орбитальные станции и уйти загорать. Время от времени надо возвращаться, наводить шороху и снова уйти. Всё, поставки быстро заканчиваются, у населения начинается паника и цивилизованная, прогрессивная планета стремительно откатывается до средневековья.

Фантастика? Зайдите на википедию и прочитайте исто-

рию Вертикали. То, что против неё была развёрнута военная операция всего лишь ускорило процесс. А теперь посмотрите, как тяжело идёт процесс восстановления.

Никто не пришёл им на помощь, не смотря на союзы.

Их могло бы спасти наличие собственного ВКС, но их не было.

Вертикаль усвоила свой урок, заплатив непомерную цену.

Лучше бы у неё были ВКС.

Первый экзамен

У меня вообще не было ощущения экзамена. Даже с учётом того, что оценки ставились за результат, а не ход мыслей. Даже с учётом того, что ты сидел под урезанным таймером и каждое твоё действие фиксировали, оценивали, взвешивали.

Кто-то из коллег-навигаторов волновался, я же зашёл в аудиторию, как на обычное занятие. Привычно подогнал под себя боевой пост, отчитался о готовности, получил задачи, выполнил задачи и так же спокойно покинул аудиторию с оценкой 45 из 10. Максимальной оценкой является 10, минимальной 0. Единственно важная оценка это 10/10. Пройдешь балл. Все курсанты, получившие меньше 10 – выбрасываются. После 10 преподаватель может проверить курсанта на прочность, сокращая время ответа и выдавая всё более сложные задачи. Оценка, кратная 5 означает, что преподаватель решил остановиться и зафиксировать результат курсанта по тем или иным причинам (ему показалось, что курсант дальше не справится, или что курсант устал, или что это может продолжаться бесконечно), все остальные кратности означают, что курсантом была совершена ошибка, за которую был снят 1 или 2 балла, но, так как основной экзамен был сдан, то курсант остаётся в академии.

Подготовь 290 проколов для движущейся машины; подго-

товь 90 дальних проколов; подготовь проколы нестандартного размера; подготовь проколы для шага за границу сферы; готовь пунктиры; определи местоположение машины. Всё, как на занятиях, ничего сложного.

Спокойно выполнил поставленные задачи и так же спокойно отправился в зону рекреации, планируя почитать какую-нибудь книгу или просто поваляться на диване. Но в меня врезалась звезда класса М со слезами на зелёных глазах. Вот здесь я уже *реально* заволновался (*ох, это так мило, я вся таю – прим. Сани*). Саня всегда составляла мне компанию и несколько раз серьёзно выручала. Только в тот момент я понял, насколько я к ней привязался. Мне было бы ужасно больно её потерять (*я удалила все сопливые и порнографические комментарии Сани – прим. Рисе*) (*зависть – плохое чувство – прим. Сани*).

– 85 из 10! Мать моя кошка гулящая! 85 из 10! – проорала Саня, потом засмеялась, потом заплакала, потом опять засмеялась.

Мои «скромные» 45/10 несколько померкли на таком фоне, но это было совсем не важно – я был годен, Саня была годна. Чего ещё нужно? Ещё нужен экипаж и у меня уже были некоторые планы.

Я схватил Саню за плюшевое ухо и зафиксировал её глаза напротив своих. Девушка достаточно быстро перетекала из состояния «замешательство» в «ожидание поцелуя» и обратно, поэтому мне пришлось тяжело вздохнуть и нахму-

риться, поставив этот лицевой цирк на паузу.

– Да-да? – спросила пилот.

– Молодец! – я, в качестве поздравления, обнял хихикнувшую Саню.

– М-да, – тихо, как сама смерть, со спины ко мне подошёл Фор, – и мои надежды разбились вдрезг.

– Привет, Фор. Сдал?

– Естественно. У меня нет никакого желания выплачивать непомерные деньги за саботаж и намеренный разрыв контракта, – кисло улыбнулся медик, – я знал, что ты, больной убудодок, получишь выше максимума. Если только разговор зайдёт о навигации, то тебя, блядь, не заткнуть.

Фор вздохнул. Снял с пояса аптечку. Посмотрел на Саню. Посмотрел на аптечку. Скривился. Вздохнул.

– Начальник, медик нужен в экипаж?

– У меня всё ещё жёлтая нашивка. *(И он это говорит спустя мгновение после того, как планировал сбор экипажа, – прим. Рисе) (Психология, – прим. Деси)*

– Так получи красную, – Фор отмахнулся.

– И почему ко мне?

– Блядь, а к кому ещё? К ебанату Честеру? Тормозу Кубику? Мудаку Логану? Сучке Лави? Я, блядь, у тебя на периферии не просто так болтаюсь. Ну, а вообще-то, просто так. Мне лень думать и выбирать.

– Окей, добро пожаловать.

– Вот и отлично, – Фор устало опустил голову и шаркаю-

щей походкой пошёл к себе в кубрик.

Рисе застала меня за достаточно странным занятием. Я вместе с Рамшель, Вельдом и Ларго пытался вскрыть аквариум в Х45-Х45. Нам надоело наблюдать мёртвых механических рыбок, и мы решили произвести их ремонт в полевых условиях. Ларго поделился своим медицинским набором (медики всегда таскают с собой полевой медицинский набор АА-19) и с его помощью мы пытались как-то открыть аквариум. Аквариум не поддавался. Мы смогли разломать половину крышки, но не смогли найти способа её снять. Но слабоумие и отвага двигали нас вперёд. И мы не боялись критических неудач.

– Ну, что? – спросила Рисе, подкравшись ко мне со спины.

– Что? – переспросил я.

– Пошли.

– Куда?

Этот разговор не мог стать ещё глупее.

– Разговор.

– Окей, – я отдал изуродованный скальпель Ларго, – сейчас вернусь.

– Оки, – Ларго кивнул и принялся резать крышку в том месте, где я прекратил, – Надеюсь эта херня не лопнет.

– В первую очередь спасайте консоли и аркадные автоматы, а то Саня нас убьёт, – посоветовал я на прощание.

– А она сдала? – спросил Рамшель.

– 85 из 10.

– Ебать.

Навигаторы покачали головами и вернулись к крышке аквариума. Её надо было победить любой ценой.

С Рисе мы прошли метров двадцать, как вдруг на повороте к кубрикам она замедлила шаг и как бы невзначай бросила:

– Ты обещал подумать. 45/10. Решение? – связист не ходила вокруг, да около, а просто и прямо задала вопрос.

– Добро пожаловать, – я тут же остановился, улыбнулся и обнял Рисе. Рисе впала в ступор.

Теперь мне осталось найти стрелка и инженера. А вот и удачный кандидат на вакантную должность идёт в рекреацию.

– Эй! Хокс! – крикнул я, – Ну, что?

– 12 из 10, – ответил довольный стрелок.

– Отлично. Пошли ко мне в экипаж?

– Окей. Тебя уже назначили?

– Ещё нет.

– Значит скоро назначат. А ты на сколько сдал?

– 45. Ещё у меня есть: Рисе, связь – 45. Саня, пилот – 85.

Фор, медик – 60.

– Э-э-э-э... командор, а... а я точно подойду к таким... крутым?

– Да. Я сказал.

– Ну... Окей.

– Прекрасно! А теперь у нас есть более важные дела! В рекреации надо снять злобучую крышку с аквариума и починить рыбок. Вперёд!

Столовые приборы

После первого экзамена курсанты внезапно опомнились и засуетились, пытаясь пристроить себя или набрать свой собственный экипаж. Самое пристальное внимание уделялось курсантам, превысившим проходной бал.

Максимальные оценки в группе: пилот – 85, связист – 45, стрелок – 40, инженер – 35, медик – 60, навигатор – 45.

Курсанты, получившие максимум: пилот – Саня, связист – Рисе, стрелок – Пёс, инженер – Деси, медик – Фор, навигатор – Лис.

Обстановка стала накаляться – все хотели попасть или переманить отличника к себе в экипаж. Некоторые хотели, чтобы отличник командовал экипажем – и вот этого я совсем не мог понять: «хороший специалист» ещё не значит «хороший командор». Только один выпускник-отличник стал командором и этим командором стал я. А вот участь Пса, лучшего стрелка нашего курса, оказалась незавидной – он не входил в мой экипаж и вокруг него развернулся блядский цирк. Пёс не выдержал этого дерьма, разбил пару лиц и убежал к инженеру Лави. Мощную девушку со взрывным характером, выглядевшую, как злой Хокс, сменивший пол, боялись не зря, но даже такой образ не смог остановить борьбу за отличника. И если бы не моя выходка за обедом, то кто-то из курсантов надолго бы слёг в больничку. А ВКС, возмож-

но, потеряли бы Колибри, безумнейшую машину, которую ставили в один ряд с Вороном.

В группе ходили неуверенные шатания и суматошные поиски экипажей. Я стоял в стороне от этого цирка. С одной стороны, я был лидером и командором, и ко мне можно было бы записаться в экипаж, но... но моим пилотом была Саня. А Саня – это терроризм, безумие и провалы. По этой же причине Саня, как пилот, никого не интересовала. Пару раз у меня пытались украсть Фора, но все те, кто не уходил после дружелюбного «пошёл на хуй» были вынуждены сидеть и слушать, как медик ноет на свою судьбу, объявляет всех живыми трупами и цитирует статистику смертности экипажей. Только Хокс особо никого не интересовал и из-за этого тосковал. Моя базовая группа выглядела дико даже для среднего ВКС, и никто не хотел напрашиваться в мой экипаж.

Но вот Рисе... со стороны, Рисе выглядела лишним элементом среди моей хуйни, поэтому все тайком и тонкими намёками пытались переманить её к себе – курсантам было немного стыдно в открытую играть против меня.

За обедом я сидел вместе с Саней, Рисе, Хоксом и Формом. Все остальные мои обычные компаньоны по приёму пищи были сильно заняты налаживанием союзов, расторжением союзов, интригами, предательствами, вербовками и про-

чей хернёй. Я совершенно не понимал, почему все так резко переполошились – в запасе была куча времени и групповые занятия, на которых, в обстановке, приближенной к боевой, можно было бы посмотреть друг на друга. Но группа уже была готова взорваться чередой бесконтрольных и безобразных инцидентов. Рамшель уже подралась с Кубиком, Инь чуть не сломала Мышке руку, а Лави проломила Тигром стену. Как вы заметили, все конфликты моментально взрывались и переходили к открытым боевым столкновениям. Вообще, такое поведение больше характерно для пилотов крыльев, сверхмалых машин, а не для средних боевых.

Я с аппетитом жевал праздничный, 25й обед. Саня, уже укравшая у всех по клубничке с тортиков, старалась выпросить у Хокса, как у наиболее поддающегося влиянию, весь торт. Стрелок вяло сопротивлялся. Было сложно предугадать, чем закончатся эти переговоры, поэтому я с некоторым интересом за ними наблюдал.

К столику наигранно наглой походкой подошёл Логан. Я подумал, что сейчас опять начнётся вербовка Рисе. Логан подошёл, положил руку на плечо вздрогнувшей Рисе и приказал:

– Пошли.

– Куда?

– Тебе не нужен этот экипаж, его всё равно скоро расформируют. Со мной тебе будет лучше.

Рисе опять зависла.

– Эй, – Логан потряс Рисе, девушка напряжённо думала.

Курсанты оторвались от еды и начали наблюдение за попыткой перестановки сил.

Внезапно события начали развиваться слишком стремительно и невнятно: Логан зачем-то схватил Рисе за воротник и приподнял её над палубой.

Рисе бы сама выкрутилась, если бы не растерялась, блядь.

Я быстро попытался оценить ситуацию и пришёл к выводу, что если позволить ситуации развиваться дальше по сценарию Логана, то всё полетит к хуям собачьим. Взывать к разуму не вариант, в мире Логана это опустит меня ниже его, и он получит для себя право делать всё, что ему заблагорассудится. Драка, как таковая, отложит конфликт и растянёт наше выяснение отношений надолго. Это будет тупая игра, в которой мне совсем не хочется принимать участие. Значит, нужно было предотвратить инцидент или сейчас поставить себя так, чтобы ни у Логана, ни у кого другого не было больше желания лезть на мой экипаж.

Я вскочил со стула, левой рукой ударил Логана в лицо, а правой всадил ему вилку в горло.

Логан и Рисе упали на палубу.

– Ме-е-е-едик, – прокричал я.

Фор перегнулся через стол, осмотрел хрипящее тело, проворчал:

– Потерпит.

И Фор сел на свой стул, неспешно откусил кусок торта,

отпил кофе и громко заявил:

– Не забывайте думать о Смерти!

В кабинете куратора ничего не изменилось. Всё такой же усталый Ио, устало мешал кофе световым пером. Перо противно пищало. Рядом со мной стоял Логан с заклеенным горлом и словом «ебан» на лбу. Логан косился на меня дёргающимся глазом и боролся с желанием спрятаться куда-нибудь.

– Курсант Лис. Ты его чуть не убил.

– В полной столовой медиков ему ничего не угрожало!

– Чего ты вообще так всполошился?

– Нападение на члена экипажа!

Ио выразительно посмотрел мне на грудь, где была приклеена жёлтая нашивка и скривился.

– Не вижу красной нашивки.

– Будет!

Ио закрыл глаза, потёр виски, проворчал что-то в духе: «средняки, блядь», вновь сурово посмотрел на меня и спросил:

– А если бы это произошло на твоей машине?

– Выкинул бы Логана в зелёный воздушный шлюз!

Логан вздрогнул и попытался сделать шаг в сторону от меня.

– Почему зелёный?

– Меньший расход воздуха за цикл!

Куратор откинулся на стуле и тяжело вздохнул:

– Лис, это была подстава. Психологи решили так разрядить обстановку. Вы с Логаном в одной весовой категории, с одинаковой подготовкой и всё такое. По мнению трижды блядских психологов, вы похожи. И вообще должны были стать лучшими друзьями.

Мы с Логаном переглянулись и одновременно пожали плечами.

– Эти ебанаты решили, что масштабная драка между вами что-то кому-то покажет и другие курсанты успокоятся. Я найду того мудилу, который эту хуйню одобрил и сломаю ему руку. Нет, обе руки и запихну их ему прямо в сраку. Делегировал, блядь, задачу. Ёбанный ВКС. Я этих психологов натяну на стоковую радарную установку.

Ию, не прекращая материться, залез куда под стол, что-то там достал.

– Так. Лис, держи эту хуйню, – куратор бросил мне красную нашивку навигатора, – а жёлтую давай сюда. Отлично. Так. Сейчас будет общий сбор. Вы двое двиньте мне какую-нибудь проникновенную речь. Такую, чтоб на слезу пробивало! О том, что вы все братья-сёстры, что драться плохо, что мы одна команда и вместе должны защищать Кэц, а не втыкать блядские вилки друг другу в горло! Всё, пиздуйте в спортотсек. А я сейчас накачу, обругаю психологов и подойду.

– Ну, ты, блядь, и зверь, нахуй, – прохрипел Логан.

– Извиняй. Сам виноват.

– Чтоб я ещё раз, не подумав, соглашался на какую-нибудь хуйню...

– Думать это полезно.

– Угу.

На перекрёстке мы помолчали, сверились с картой и продолжили путь.

– Всё могло быть и хуже, – я первым нарушил тишину.

– Издеваешься, блядь?

– Со мной могла обедать Лави.

– А что Лави?

– А мы ж с ней часто отработывали ведомый-ведущий.

А какая задача у ведомого?

Логан остановился и закашлялся.

– Я не просто тупой, я дважды тупой. И память у меня на кристаллах. Так что говорить то народу будем?

– Ты совершил ошибку, я совершил ошибку. Зря конфликт развели. Нам ещё служить в одних ВКС, висеть в одном пространстве и прикрывать друг друга. Поэтому мы мудаки, мы всё поняли, всё признали, обнялись, поцеловались и помирились. И не рекомендуем другим творить такую хуйню, а то начальство пустит под нож весь курс.

– Сойдёт. Слушай, у меня скобы на горле не разошлись?

Заметьте меня, командор

– М-можно я стану т-твоим инженером? – старательно «спотыкаясь» в словах спросил меня незнакомый девичий голос.

– Зачем?

Я даже не повернулся в сторону говорившей – семичасовая отработка пары пилот-навигатор в компании с Саней убили меня в ноль. Пилот же построила форт из подушек в отсеке рекреации и мирно в нём заснула. Группа пилотов, решившая провести диверсионную операцию и украсть подушки, потерпела сокрушительное поражение: они залегли на креслах неподалёку, начали наблюдение и тоже заснули.

Все курсанты сегодня были убитыми и вяло дрыхли в кубриках или отсеке рекреации – мощное начало отработки совместных действий стремительно выжирало все силы.

И только я за каким-то хером вместо того, чтобы спать, на пару с Лави пытался запихнуть водонепроницаемый дисплей в аквариум.

– Н-ну, тебе в-ведь нужен инженер, да? Я инженер, – от меня требовали внимания.

– Лави ёбни эту штуку!

– Ша! – выдохнула Лави и ударила кулаком по дисплею.

– Бля!

Что-то хрустнуло, мне прищемило пальцы, но дисплей на-

половину погрузился в аквариум и продолжил показывать какое-то релаксирующее видео с трёхмерными черепахами. Звук только пропал, ну это не важно.

Важно то, что теперь можно смотреть в аквариум и видеть там рыб! Ну или любую другую херню, которую можно вывести на дисплей. Я приблизительно представлял, что там будет постоянно крутиться.

– К-командор Лис?

– Я командор Лис, – новая должность, стоящая рядом с позывным приятно щекотала моё эго, – чего тебе, инженер Деси?

Инженер Деси была... никакой. Средний рост, тёмные волосы с короткой стрижкой, голубые круги фокусировки, непримечательное лицо, непримечательное телосложение. Глазу не за что зацепиться. Обычная повседневная скучная рядовая девушка, которая, слегка стесняясь, хочет в элитный экипаж.

В толпе бы она легко затерялась. Но в группе из 60 ебанатов она выделялась, как голая кэц на выставке кофе. Ну... помимо Деси в группе было ещё 5 таких же серых и неприметных курсантов.

– Лави, что скажешь? – поинтересовался я.

– Ну, – Лави пожала мощными плечами, – средние показатели, средняя производительность, внезапные 35 из 10 на экзаме. Придётся брать. Это ж шпион Абсолюта. Их ставят на машину, чтобы присматривать за нами.

– Всё так? – спросил я у Деси.

– Н-нет же! – Девушка ужасно неправдоподобно сыграла возмущённое удивление.

– Тогда я попрошу Фора набодяжить гиас-танол и мы проведём допрос с пристрастием.

Деси изобразила шок и сделала небольшой шаг назад.

– Мельчают агенты, – Лави цокнула языком, – дура! Шрама надо было на понт брать, а не изображать гражданскую недотрогу.

– На понт меня не возьмёшь! – я тут же встал в позу.

– А вот и да!

– А вот и нет!

Лави схватила меня за воротник и приподняла над полом, в отместку я ущипнул её за сиську, Лави фыркнула и покраснела. Я торжественно прохрипел:

– Ха-ха! Я победил! Теперь опусти, а то задушишь нахуй.

Деси раздражённо потёрла переносицу, злобно посмотрела на нас, глубоко вздохнула и всплеснула руками:

– Да ёбанный рот этих ВКС! Ну и как тут, блядь, работать? Не агент, а уполномоченный. Ну, теперь возьмёшь?

– Нет.

– Блядь, и какого хера? У тебя ещё варианты остались? Лави сама, как командор, Мышь уже у Честера, с Икси у тебя никогда не получалось работать вместе...

– Мне нужны лучшие! А ты средняя.

– А Хокс?

– А ему можно. Два раза исключение я делать не буду. И вообще, зачем ко мне?

– Ладно, держи правду, раз всё остальное пошло коту под хвост! У меня чёткая задача: втереться в доверие и служить с тобой. Тебя изначально планировали, как командора. Ты им и стал, сукин кот. Но, блядь, какого хера, ты меня вообще не замечаешь? Я вечно рядом – руку протяни и хватай! Я так стараюсь чтобы ты меня заметил, но ты берёшь и ставишь командиров разведгруппы Рисе. Ёбаную мама-мне-страшно-Рисе! Раз за разом ставишь, и она раз за разом лажает! Утопая в густом геле, ты хватаешь не мою руку, а руку Хокса! И вы вместе падаете, нахуй! Когда тебе нужен совет, ты идёшь к Сане! К Сане, блядь! Той Сане, что почти угнала среднюю машину с площадки А16 в этой самой академии! Она до сих пор туда залезает! У тебя медик посмотрел на тяжело раненого, заявил, что надо думать о смерти и оказал помощь только после того, как допил кофе. Он перед экзаменом вообще напился! Он заснул в середине операции! Он ебанутый! Ты ебанутый! Вы все ебанутые! *(Даже в этой книге это моё первое серьёзное появление, – прим. Деси)*

– Слушай, Шрам, – Лави пихнула меня локтем, – или это любовь, или она твой кандидат.

– Почему? – спросил я.

– Оказывается, она тоже ебанутая. Отлично подойдёт к твоим астронавтам. Не считая Хокса.

– Окей, Деси, добро...

В лицо Деси прилетела подушка. А потом ещё одна. За моей спиной материализовалась Саня, вооружённая третьей подушкой.

– Так! С кем это любовь у *моего* командора?!

Я присел рядом с телом инженера, убрал подушку с её лица и закончил фразу:

– Добро пожаловать в экипаж, инженер Деси.

– И не забывай думать о Смерти!

– О, Фор, ты вовремя. Посмотри, мы её не сломали?

Первичное формирование экипажа было успешно завершено. И теперь нас ждало только серьёзное дерьмо – отработка групповых действий. Мы уже были специалистами по отдельности, теперь академия будет смешивать нас в единый экипаж.

Конечно, экипажные списки ещё не были утверждены – могли случиться и случались замены с перестановками. И мы не всегда отрабатывали действия первичным экипажем. Но это нюансы, переходим к экшену!

Байки астронавтов: «Рождённый свободным»

Давным-давно, в интересную эпоху парусного флота было одно королевство с небольшим регулярным флотом. Обстановка в мире накалялась, близилась война и король решил, что нанять пиратов на регулярную службу – это хорошая идея. И он нанял дохера пиратов. Реально дохера.

Там много прикольных штук случилось!

Самая прикольная – это смертность среди шпионов во флоте: где-то 90%. Король хотел держать пиратов за яйца, но не хотел их распугать. Поэтому на каждом корабле служили незаметные и скрытные шпионы, которые регулярно выходили погулять в открытое море, гибли в случайных абордажах и ломали шею, поскользнувшись на мокрой палубе.

Именно тогда началось великое противостояние флота и шпионов. Сменились поколения, но корни порядков флота продолжали торчать в пиратских временах. И вот, в атомную эпоху, шпионы начали брать верх – флот становился всё более послушным и мягким, забывая о том, что он был рождён свободным.

И лишь достигнув звёзд, потеряв стабильный контакт и постоянный мониторинг со стороны внутренней разведки мы начали вспоминать о том, кем были. Поворотный момент настал во время первой межпланетной войны Кэц. Ко-

гда неизвестная машина уничтожила свой штаб.

Внизу Абсолют, наверное, является невидимой, но всемогущей силой.

А наверху... наверху Абсолют предстоит в виде вечно злой и грязно ругающейся Деси, которая сама не прочь выкинуть пару агентов в воздушный шлюз.

Впрочем... Впрочем, я долго жила в страхе перед Абсолютом. До тех пор, пока Лис не вставил агенту Абсолюта плазменный пистолет в рот до характерного щелчка сломанных зубов и не потребовал оправдаться. (*Спойлеры!* – прим. Рисе)

От: ВКС Кэп. СБМ «Ворон». Пилот Саня. Личный номер D-AM-0618-9701.

Экипажная подготовка

Центральный отсек (он же отсек управления, он же командный отсек) типовой средней боевой машины ВКС Кэц выглядит, как равнобедренная трапеция. У малого основания расположен самый большой боевой пост – пост пилота, он же «консоль один». Пост пилота оборудован четырьмя огромными изогнутыми дисплеями в компоновке два прямо и два над ними, консоль помимо тачпада имеет два трекбола, а под консолью расположены четыре педали. По боковым сторонам трапеции отсека расположены консоли с номерами 2, 4 и 3, 5, соответственно. Эти посты ничем друг от друга не отличаются и за ними не закреплена какая-либо специфичная профессия, они оборудованы одним большим изогнутым дисплеем и консолью. В центре большего основания трапеции отсека расположен пост командора, он же «консоль ноль», с двумя большими изогнутыми дисплеями. Отсек имеет два входа-выхода прямо за спиной у командорского поста.

Отсек управления реально маленький – в нём не побегаешь, не развернёшься, да и не нужно всё это.

В академии стоит куча точных копий типовых командных отсеков, в которых и проводится большая часть обучения и тренировок уже собранных экипажей. Но это не просто макеты с рабочими консолями. Это здоровая машина точной симуляции, с механизмами точечного приложения гравита-

ции. Любой манёвр пилота точно отражается на экипаже – ускорения вдавливают в кресла или тянут в стороны. Любое внешнее или внутреннее воздействие, нарисованное на дисплеях, даёт обратную связь – в отсеке становится холодно, жарко, громко, трясёт, дёргает.

Занятия на учебном стенде максимально приближены к боевым ситуациям. Всё настолько серьёзно, что занятия, в обязательном порядке проводятся в боевых костюмах.

А боевой костюм – это не просто скафандр. Это опасное оружие, набор инструментов экстренного ремонта и средство номер один в борьбе за живучесть. Прочен, компактен, прекрасно справляется с холодом, жарой, радиацией и прочими излучениями. Он покрыт облегчённой бронёй, имеет кучу аккумуляторов, систем синхронизации и связи с машиной, в него встроен медицинский комплект и экстренный набор медикаментов, запас кислорода, пищевые таблетки и одноразовые кислородные патроны. И контейнер для отходов, естественно. На боевом дежурстве астронавт не имеет права снимать БК, да и на средних машинах туалеты не предусмотрены конструкцией – справляешь нужду в костюм, потом содержимое заполненного говнобака отправляется в систему рециркуляции и регенерации воды и воздуха. А вы что думали? Средняя машина не имеет возможности таскать за собой тонны воды и воздуха – приходится экономить и выкручиваться. Ещё в БК встроен экзоскелет. Голыми руками не согнуть порванный лист прочного корпуса, не зафиксиро-

вать вывалившийся реактор и не закрутить гайки. Поэтому, прежде чем отправлять курсантов на стенды нам долго рассказывали про устройство БК, про то, как себя в нём вести, какое он мощное оружие и о том, что надо уметь им пользоваться.

Мы даже сдавали специальный экзамен по обращению с БК. Мы ели обед ножом и вилкой, мы жонглировали тонкими резиновыми шариками с водой, собирали и разбирали винтовки и заплетали косички стальным тросам, метали ножи и дротики, переносили огромные ящики и складывали из бумаги фигурки, печатали на механических консолях, оказывали первую помощь тренировочным манекенам, вышивали крестиком, лепили из глины и собирали хрупкие физические трёхмерные паззлы (мне даже понравилось из тонких пластиковых деталек склеивать уменьшенную копию эсминца эпохи третьей мировой войны у кэц). Всё, чтобы научиться правильно прилагать достаточно необходимое количество усилий и не ломать всё, к чему прикасаешься.

Потом костюмы стали использоваться на физзо. И у занятий появилось больше разнообразия: полностью затопленные помещения, залитая *едким* гелем полоса препятствий, открытый огонь или серьёзное задымление, ограниченная или полностью отсутствующая видимость (иди по приборам), обстрелы резиновыми шарами.

Мы ели, спали, занимались и ходили в туалет (под себя) в боевых костюмах. Костюмы становились нашей второй ко-

жей, продолжениям рук, глаз и нервных окончаний.

И только после того, как мы срастались с БК, нас пускали на тренировочные стенды. Первые задачи мало отличались от уроков в аудиториях потому, что мы учились работать вместе и работать экипажем. Понимать друг друга с полуслова, видеть ситуацию и работать не на задачу, а на ситуацию. *(Лис немного съезжает в сторону. Поправлю. Командор работает на ситуацию: он держит в голове и обрабатывает всё, что происходит вокруг и что может произойти. Подчинённые работают на командора: они держат в голове и обрабатывает всё, что происходит вокруг и что может понадобиться командору. Плюс, командора нужно страховать от засветок в решениях, – прим. Рисе)* *(Страховка командора – это самая сложная задача. Ты полностью веришь в него и готов делать, что он прикажет, но на фоне надо проверять его действия и смотреть, не начинает ли он творить хуйню, – прим. Деси).*

Но преподаватели не давали нам много времени привыкать *(всего лишь три занятия по 26 часов! Это беспредел – прим. Рисе)* *(Это не беспредел, а ВКС – прим. Деси)*, они стремительно наращивали темп, бросая машину во всё более сложные и сложные задачи.

Дуализм старших помощников

Я защёлкнул шлем и на всякий случай прогнал тест герметичности. В прошлый раз я не довернул и заснул от газа, пущенного на стенд. Мой экипаж в истерике устроил блядский цирк, но как-то умудрился вывернуться, закончить оборону орбитальной станции, дотянуть до подкрепления и не умереть.

– Фор, отчёт.

– Костюмы в норме, экипаж в норме, – доложил медик, устраиваясь в своём кресле, – Рисе опять волнуется.

– Окей. Переключка.

– Пилот! -тва! – Саня.

– Связь. Готова! – Рисе.

– Стрелок. Готов! – Хокс.

– Инженер. Готова. – Деси.

– Медик. Готов. – Фор.

Я свёл информацию к себе, разбросал детали по окнам.

– Отлично. Так, будем учиться на своих ошибках. Саня, когда я на тебя кричу и бросаю набор проколов, тыходишь в ближайший. А дальше мне голосом отбивку по шагам.

– В любой?

– В любой ближайший.

– Даже если машинку надо будет закрутить и перевернуть?

– Угу. Деси, ещё раз говорю: слушай, что происходит в машине. Если я что-то приказываю Хоксу, это значит, что надо направить энергию на орудия.

– Сколько?

– А я откуда знаю? В угол запихни табличку с потребностями. Ну и слушай. В прошлый раз ты вообще ничего не дала на лазеры.

– Но ты не сказал.

– Я и не буду говорить, я не помню.

– Хокс может сказать!

– Не может! Он занят! И это займёт слишком много времени!

– Но откуда мне, блядь, тогда знать, сколько ему надо!

– Вас в Абсолюте вообще ничему не учат, что ли?

– Это, блядь, секретная информация, её никто не должен знать, почему, ты, блядь, кричишь об этом на каждом углу?! МАТЬ ТВОЯ КОШКА ГУЛЯЩАЯ, ЗНАЕШЬ, КАКИЕ ПРОБЛЕМЫ АААААААААААА!

– Фор, хватит издеваться над Абсолютом!

– А чо? Я ничо, – медик убрал руки с консоли и откинулся в кресле.

Инженер попыталась резко встать, но ремни удержали её в кресле.

– Деси!

– Хуеси! – инженер захныкала, – экипаж это ведь семья, за что он со мной так?... меня, списывая сюда, обещали се-

мью! А что я получила? Электрический разряд! ЗА ЧТО?!

– Лис, требую немедленного выполнения долга перед видом! – Саня рассмеялась, вскинула руки вверх и крутанулась в кресле.

– Молчать! Саня, крутись в другую сторону.

– Есть! – пилот начала вращение на кресле в противоположную сторону.

– Деси, открой у себя выюху с консоли Хокса.

– Зачем? – переспросила Деси, Фор тут же положил руки на консоль.

– Фор, место! – рявкнул я, – Деси, без преждевременных вопросов. Хорошо?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.